АЛЕКСАНДР СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

материалы для биографии

Статья и публикация Б. П. Козьмина

Александр Александрович Серно-Соловьевич (1838—1869), как и его старший брат Николай Александрович, принадлежал к числу наиболее выдающихся деятелей революционно-демократического движения шестидесятых годов прошлого века*.

Люди, знавшие Серно-Соловьевича лично, отзывались о нем с восторгом. Так, Н. В. Шелгунов писал о нем: «Об Александре Серно-Соловьевиче сохранились у меня самые светлые воспоминания. Это был человек кипучей энергии, горячий, скорый, смелый и очень умный $\langle ... \rangle$ По энергии темперамента, по пылкой страстности характера, по быстроте соображения, тонкому ироническому уму и по беззаботности, с какой Серно-Соловьевич отдавался делу, не думая о себе, — он был один из очень немногих людей того времени» (Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.— Пг., 1923, стр. 158).

Высокая оценка дана была Серно-Соловьевичу и Н. И. Утиным в некрологе, напечатанном анонимно в № 7-10 женевского журнала «Народное дело» за 1869 г. Читатели найдут ниже этот весьма ценный в биографическом отношении некролог, никогда ранее не перепечатывавшийся и делающийся теперь достоянием современного читателя.

Несмотря на то, что братья Серно-Соловьевичи значились потомственными дворянами, они являлись типичными представителями той новой, антидворянской интеллигенции, которая в тестидесятых годах прошлого века выступила на историческую сцену как активная общественная сила.

Отец Серно-Соловьевичей, разночинец по происхождению и чиновник по профессии, выслужил себе звание потомственного дворянина. Он был человеком состоятельным и дал детям очень хорошее образование. Александр Серно-Соловьевич, как и его брат Николай, обучался в Александровском лицее, куда поступил в 1851 г. Окончив лицей в 1857 г., он вышел на жизненное поприще в начальную пору широкого общественного возбуждения, которым была отмечена в России вторая половина пятидесятых годов. К этому времени он определился уже как принципиальный противник «аристократизма», в котором усматривал «подагру нравственного мира», и как человек, горячо сочувствовавший горестной судьбе русского крестьянства. Почти ежегодно бывая за границей, Серно-Соловьевич имел возможность сравнивать русские политические порядки с порядками буржуазных стран Запада, и это способствовало росту в нем отрицательного отношения к бесправию и произволу, господствовавшим на родине. В одном из писем 1859 г. к товарищу по лицею Серно-Соловьевич призывал к ненависти и борьбе. Он писал: «Нужно воспитывать ядовитую злобу, лелеять ее, довести до последних пределов (...) Пусть будет она девизом, вечным знаменем,

^{*} См. о нем в наших статьях: «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении» («Исторический сборник Института истории Академии наук СССР», вып. V. М.— Л., 1936); «Герцен, Огарев и "молодая эмиграция"» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48) и в предисловии к публикации его писем к Огареву («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 548—549).

с которым нужно идти на борьбу, потому что невозможно никакое примирение там, где не хотят его знать, где все окружающее напоминает только о том, что ты грязь и ничтожество» (М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых» годов. СПб., 1908, стр. 251).

Как видим, к тому историческому моменту, когда в России сложилась революционная ситуация, Серно-Соловьевич был уже подготовлен к участию в борьбе со старым порядком.

На развитие социально-политических воззрений Серно-Соловьевича большое влияние оказали сочинения Герцена, которого он посетил в Лондоне в 1859 г. Позднее его отношения с издателями «Колокола» разладились, но и тогда он вспоминал время, когда «страстно любил и глубоко уважал» их.

Влияние Герцена встретилось с еще более мощным идейным воздействием, исходившим от Чернышевского и редактировавшегося им «Современника». Непоколебимая последовательность Чернышевского, его железная логика, непримиримость к противникам, неспособность идти на компромиссы производили на Серно-Соловьевича громадное впечатление. Преклонение перед Чернышевским он сохранил на всю жизнь. В публикуемом ниже «Протесте» (1866) он писал, обращаясь к Чернышевскому: «Учитель! Как тебя недостает между нами, каким счастьем почел бы я, если б мне ценою собственной жизни искупить хоть часть страданий, на которые обрекли тебя...». Чернышевского и Добролюбова Серно-Соловьевич называл «крупнейшими публицистами молодой России». Чернышевскому он был обязан тем, что окончательно укрепился на революционных позициях и критически оценил либеральные колебания Герцена.

Революционные взгляды Серно-Соловьевича оказали сильное воздействие на его старшего брата Николая. Автор указанного выше некролога сообщает, что А. Серно-Соловьевич «имел значительное влияние на старшего брата», которого он «звал на прямое дело», и что «оба они стали в передовые ряды революционных организаторов».

В 1861—1862 гг. Александр Серно-Соловьевич с братом развернули весьма интенсивную и разностороннюю общественную и революционную деятельность. Во время студенческого движения, происходившего осенью 1861 г. в Петербурге, братья Серно-Соловьевичи принимали самое деятельное участие в агитации, которая велась в пользу студентов. Участвовали они и в широком движении за организацию воскресных школ. Серно-Соловьевич набирал и печатал революционные прокламации, а также распространял их по городу.

«Спросите у людей, знавших меня в Петербурге,— писал впоследствии Серно-Соловьевич Н. А. Тучковой-Огаревой,— как провел я год, с освобождения крестьян по выезд за границу: по ночам набирал и печатал прокламации, днем разносил их и работал над Шлоссером. В формулярный список мой можно записать, что все то время, когда в России господствовал террор, когда на каждом перекрестке Петербурга стоял часовой, никто не решался разносить прокламации,— один я взялся за это» (см. ниже, стр. 739).

Еще большее значение имела деятельность братьев Серно-Соловьевичей по сплочению в единую организацию разрозненных до той поры революционных обществ и кружков, существовавших тогда как в столице, так и в других городах, а также по созданию новых кружков, там, где их еще не было. Начало этой деятельности относится к осени 1861 г. Особенно же развернулась она к весне следующего года, когда образовался центр еще не оформленного полностью тайного общества, позднее принявшего название «Земля и воля». В состав этого центра, действовавшего под руководством Чернышевского, наряду с А. А. Слепцовым, Н. Н. Обручевым и В. С. Курочкиным, входили оба брата Серно-Соловьевичи.

В связи с работой по организации будущей «Земли и воли» стояла их встреча с эмигрантом В. И. Кельсиевым, тайно приехавшим в Россию в марте 1862 г. для привлечения раскольников к участию в революционном движении (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 307—335 и т. 62, 1955, стр. 161). Во время своего пребывания в Петербурге Кельсиев жил у Серно-Соловьевичей. А. А. Серно-Соловьевич свел его с одним знакомым беспоповцем, через которого Кельсиеву удалось установить связь с при-

ехавшим тогда из-за границы в Петербург — тоже тайно — видным деятелем старообрядчества Павлом Прусским. После того как Кельсиев выехал из России, А. А. Серно-Соловьевич отправился в Пруссию, где совместно с Кельсиевым занялся налаживанием путей для тайной переправки революционных эмигрантских изданий в Россию, а по возвращении в Петербург — подыскиванием склада для присылаемых изданий.

Помимо собственно революционной работы, Серно-Соловьевич, как и его брат, принимал участие в различных общественных предприятиях, пытаясь использовать их в революционных целях. Они принадлежали к числу учредителей Шахматного клуба, служившего революционерам для конспиративных свиданий и для агитации среди его членов. Оба они входили в состав артели, издававшей в 1862 г. еженедельник «Век», которым, по мысли братьев Серно-Соловьевичей, можно было бы воспользоваться в интересах революции, когда она вспыхнет в России.

Правительство давно уже присматривалось к деятельности Серно-Соловьевичей. Уже в мае 1862 г. было намечено произвести у них, как и у ряда других лиц, обыски. Нужен был только подходящий момент для принятия по отношению к ним репрессивных мер.

7 июля 1862 г., в один день с Чернышевским, был арестован Николай Серно-Соловьевич. Поводом для его ареста послужили адресованные ему письма Герцена, Огарева и Кельсиева, отобранные при задержании на границе возвращавшегося из лондона П. А. Ветошникова. Правительство намеревалось арестовать и Александра Серно-Соловьевича, но оказалось, что он незадолго до того уехал за границу. Александр Серно-Соловьевич не возвратился в Россию по вызову властей, и поэтому был привлечен к делу заочно. Хорошо понимая, к каким последствиям приведет его приезд на родину, Серно-Соловьевич решился перейти на положение политического эмигранта. 10 декабря 1864 г. Сенат приговорил его к лишению всех прав состояния к вечному изгнанию из пределов России.

Александр Серно-Соловьевич находился в Лондоне, когда ему стало известно об аресте брата. Эта весть еще более обострила его ненависть к самодержавию. Он решил, оставаясь за границей, посвятить все свои силы тому, чтоб отомстить за брата, за своего учителя Чернышевского и товарищей, ставших жертвами царских репрессий.

Весной 1863 г. истекал срок введения в действие уставных грамот. Как и другие революционеры той поры, Серно-Соловьевич питал надежды на то, что к этому времени крестьяне окончательно убедятся в невозможности ожидать от правительства действительного улучшения их участи, и тогда в России осуществится, наконец, народная революция. Он понимал, какую большую агитационно-пропагандистскую работу необходимо в связи с этим провести русским революционерам. Ему было ясно, что недостаточно при этих обстоятельствах не только тех прокламаций и воззваний, которые смогут быть напечатаны в России в тайных типографиях, но и тех, которые исходят из лондонской типографии Герцена. Стало необходимо организовать за границей новую русскую типографию. В конце осени 1862 г. такая типография была создана в Берне. После ее возникновения возник вопрос о взаимоотношениях двух русских заграничных типографий, о координации их работы. Серно-Соловьевич вел переговоры в Лондоне со Станиславом Тхоржевским, заведовавшим издательством Герцена. и в Женеве с эмигрантом В. И. Касаткиным. Был выработан проект создания акционерного общества, объединяющего обе типографии. Проект этот осуществлен не был. Как видно из письма Герцена к Огареву от 15 февраля 1863 г., Герцен возражал против объединения типографий (XVI, 68-69)*. Ввиду этого решение вопроса затянулось, а вскоре отпала и надобность в его осуществлении, так как ожидавшееся весной 1863 г. народное восстание не разразилось. Наоборот, волна крестьянского движения неуклонно снижалась по сравнению с 1861 г. Тем не менее, у Серно-Соловьевича не могло не остаться чувства недовольства Герценом, что отразилось на их дальнейших взаимоотношениях.

^{*} Здесь и ниже даются ссылки на Полн. собр. соч. и писем Герцена под ред. М. К. Лемке.

В 1864 г. мы находим Серно-Соловьевича в Цюрихе, где он жил в пансионе, содержавшемся Л. П. Шелгуновой, и где одновременно с ним проживали его товарищ по лицею и друг А. А. Черкесов, известный эмигрант П. И. Якоби и его жена, В. А. Голицына. Черкесов, несомненно, с согласия Серно-Соловьевича, выдвинул проект создания, наряду с «Колоколом», еще одного русского органа за границей. Проектировавшийся Черкесовым журнал, в отличие от герценовского «Колокола», должен был иметь общеэмигрантский характер, хотя редактирование его предполагалось поручить Герцену. Однако у Герцена проект Черкесова сочувствия не вызвал: не отказываясь от сотрудничества, он категорически уклонился от предложенных ему редакторских обязанностей (XVII, 144—145). Отказ Герцена был воспринят «молодыми эмигрантами» как доказательство его нежелания наладить какое-либо дело совместно с молодежью.

В виду этого «молодыми эмигрантами» было решено встретиться с Герценом и попытаться договориться с ним по вопросам, их волновавшим.

В конце декабря 1864 — начале января 1865 г. в Женеве состоялся съезд эмигрантов, на котором, помимо Герцена, присутствовали почти в полном составе представители «молодой эмиграции», в том числе и Серно-Соловьевич с Якоби и Шелгуновой, приехавшие из Цюриха. (Подробнее о съезде см. в нашей статье «Герцен, Огарев и "молодая эмиграция"» в т. 41-42 «Лит. наследства», 1941, стр. 20-23 и в публикации в т. 61 «Лит. наследства», 1953, стр. 271—278*.) По словам Гердена, Серно-Соловьевич выступал на этом съезде, как «главный противник» издателей «Колокола» (XVIII, 8). После плительных прений, наконеп было постигнуто соглашение. Герпен скрепя сердце принял некоторые требования «молодых эмигрантов», которые, со своей стороны, отказались от ряда своих первоначальных претензий. Однако перед самым отъездом из Женевы Герцен узнал, что соглашение сорвалось вследствие протеста Серно-Соловьевича и Якоби. Последние требовали превращения «Колокола» в общезмигрантское издание или же организации наряду с ним другого органа, в руководстве которым участвовали бы и представители «молодой эмиграции». Материальные же средства, необходимые для издания этого журнала, должен был дать Герцен, заимствовав их из суммы, переданной ему на революционные нужды П. А. Бахметевым. Герцен категорически отказался от этого, считая, что не имеет права расходовать деньги Бахметева.

Таким образом, съезд не привел к соглашению. Наоборот, он способствовал дальнейшему охлаждению между «старой» и «молодой эмиграцией».

Вскоре после женевских переговоров Серно-Соловьевич тяжело заболел. Его здоровье никогда не было крепким. Дурная наследственность, непосильная, напряженная рабога, тяжелое впечатление, произведенное на него арестом Чернышевского, любимого брата и многих близких знакомых и друзей, подавление польского восстания, во время которого погибло немало его соратников,— все это тяжело повлияло на психику Серно-Соловьевича. К этому присоединился разрыв с Шелгуновой и разлука с горячо любимым сыном, которого мать увезла с собой в Россию. Несмотря на заботы друзей и все принятые ими меры, болезнь прогрессировала. Черкесову, трогательно ухаживавшему за своим больным другом, пришлось поместить его в психиатрическую лечебницу, где Серно-Соловьевич пробыл около года.

Необходимо отметить, что, несмотря на поддержку со стороны Черкесова, материальное положение Серно-Соловьевича было чрезвычайно тяжелым. Эмигрантам приплось собирать средства на оплату его лечения и содержания в лечебнице. Как видно из печатаемых ниже документов, Герцен, Огарев и Н. А. Тучкова-Огарева оказывали Серно-Соловьевичу значительную помощь, особенно после того, как Черкесов уехал в Россию. Помогали они ему и после выхода его летом 1866 г. из лечебницы. Ему поручена была в это время корректура «Колокола», что давало ему скромный, но регулярный заработок.

^{*} Пользуемся случаем, чтобы исправить ошибку, допущенную в названной публикации в т. 61 «Лит. наследства»: на стр. 272, строка 7-я сверху по ошибке указано письмо Утина от 5 августа, а следует: 16 декабря 1864 г.

Скоро, однако, взаимоотношения его с издателями «Колокола» разладились вследствие расхождений политического характера. Поводом для этого послужила статья Огарева «По поводу продажи имений в Западном крае», напечатанная в 224 листе «Колокола» от 1 ноября 1866 г. Серно-Соловьевич познакомился с ней еще в корректуре и счел необходимым протестовать против нее. Дело в том, что Огарев, вместо того, чтоб осудить изданный царским правительством закон о принудительной продаже земель польских помещиков, принимавших участие в восстании 1863 г., усмотрел в нем отступление от «религии собственности» и выразил наивную надежду на то, что «немного погодя русским дворянам будет приказано продать свои земли не дворянам — и вот осуществится давно желаемая ликеидация сословий». Наряду с этим Огарев давал русскому правительству совет передавать отчуждаемые польские земли не русским помещикам и чиновникам, как оно это делало, а крестьянам, либо местным, либо из внутренних губерний, готовым из-за малоземелья переселиться на Запад.

Серно-Соловьевич пытался уговорить Огарева внести изменения в его статью, но тщетно. Тогда он написал реакий «Протест», в котором доказывал, что переход польской земли в руки русских крестьян неизбежно приведет к русификации края, и находил в статье Огарева отступление от прежней установки «Колокола» по польскому вопросу, исходившей из признания за каждым народом права на самоопределение. Этот «Протест» Серно-Соловьевич хотел напечатать в «Колоколе», но, вследствие отказа Герцена, опубликовал его в виде листовки на французском языке. Ниже помещается оригинальный русский текст «Протеста» по автографу, оставшемуся в бумагах Герцена. «Протест» явился первым выступлением Серно-Соловьевича в печати против издателей «Колокола». Вскоре за ним последовало второе, еще более резкое.

Это была изданная в 1867 г. брошюра «Наши домашние дела». Ее имел в виду Ленин, когда писал, что Серно-Соловьевич, наряду с Чернышевским и Добролюбовым, справедливо критиковал Герцена за его либеральные колебания (Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 12). Брошюра являлась ответом на статью Герцена «Порядок торжествует», но Серно-Соловьевич не ограничился критическим разбором этой статьи: он давал общую, и притом, очень резкую, характеристику политической деятельности Герцена.

Серно-Соловьевич напоминал Герцену о времени, когда на него смотрели, «как на одного из лучших людей России», и указывал, что это время является далеким прошлым, так как давно уже «молодое поколение», поняв, что Герцен собой представляет, «отвернулось от него». Герцен, по мнению Серно-Соловьевича — уже «мертвый человек», от которого не приходится ничего ожидать.

В статье «Порядок торжествует» Серно-Соловьевича особенно возмутило место, где Герцен говорил о своем отношении к Чернышевскому. Герцен считал себя представителем того социализма, который «идет от земли и крестьянского быта». Напротив, Чернышевский, по его мнению, представлял собою «чисто западный социализм», средой которого в России являлась будто бы не крестьянская, а «городская, университетская» среда, состоявшая «исключительно из работников умственного движения, из пролетариата интеллигенции». Проводя такое различие между собою и Чернышевским, Герцен высказывал мнение, что оба они «служили взаимным дополнением друг друга» (XIX, 128).

Своей оценкой Чернышевского Герцен как бы подтверждал обвинение, выдвигавшееся против редактора «Современника» его политическими противниками, а именно, что его пропаганда имела чисто книжный, теоретический характер и была по существу чужда русской жизни, ее нуждам и запросам. Вполне понятно, что, верный ученик Чернышевского, Серно-Соловьевич никак не мог согласиться с такой оценкой своего учителя. Он был уверен, что деятельность Чернышевского, как и вдеи, которые он проповедовал, соответствовали реальным нуждам многомиллионного русского крестьянства. Поэтому он не мог согласиться и с утверждением Герцена, будто он и Чернышевский чем-то «дополняли» друг друга. На это утверждение Герцена Серно-Соловьевич обрушивался с особой силой, бросая Герцену ряд тяжких обвинений. Он ставил ему в вину неверие в революцию, расчеты на преобразовательную деятельность правительства, его многочисленные письма к Александру II, отзывы о Каракозовекак о «фанатике» и «сумасшедшем» и т. д.

Несомненно, что многое в обвинениях, выдвинутых Серно-Соловьевичем против Герцена, было справедливо. Так, Герцен до конца жизни не расстался в полной мерес верой в возможность мирного преобразования общества. В статье «Порядок торжествует» он писал: «Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога́...» (XIX, 126). Правильно было и указание на надежды Герцена подтолкнуть царя на путь реформ. Именно эти надежды и побуждали Герцена писать «бесчисленные слащавые письма в "Колоколе" к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения» (Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 12). Последнее такое письмо было написано Герценом в 1866 г. В нем Герцен старался убедить царя, что тот будто бы «кругом обманут» сановниками. «... трудно мне,— писал Герцен,— окончательно расстаться с мыслью, что вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле вас» (XVIII, 407).

Однако если ряд обвинений, брошенных Серно-Соловьевичем по адресу Герцена, был справедлив, то никак нельзя согласиться с его утверждением, будто Герцен ко второй половине шестидесятых годов превратился в «мертвого человека». Нам хорошо известно, что последние годы жизни Герцена были ознаменованы новым взлетом его мысли, проявившимся с такою силою в письмах «К старому товарищу». (Надо, впрочем, сказать, что Серно-Соловьевич не дожил до появления в печати этого замечательного произведения.) Неправ был Серно-Соловьевич и тогда, когда говорил в своей брошюре с Герценом недопустимо раздраженным и даже грубым тоном. Характерно, что ряд других представителей «молодой эмиграции», в том числе и автор некролога Серно-Соловьевичу, напечатанного в «Народном деле», осуждали его брошюру за ее крайне резкий тон, хотя и признавали справедливость выдвинутых в ней обвинений.

Позднее, в письме к С. Боркгейму, Серно-Соловьевич сделал в высшей степени ценное признание, противопоставляя издателя «Колокола» издателям буржуазной «Женевской газеты». «Герцена,— писал он,— я только вышучиваю и высмеиваю, а тех, кого представляет "Женевская газета", я ненавижу телом и душой». Несмотря на это заявление, при чтении «Наших домашних дел» создается впечатление, что Серно-Соловьевич не отдавал себе полного отчета в том, что, хотя между Герценом и Чернышевским существовали разногласия, оба они стояли по одну сторону баррикады, сражались против общего врага. Серно-Соловьевич не оценивал в достаточной степени положительные стороны деятельности Герцена и его заслуги перед русской революцией. Его историческая роль осталась не понятой Серно-Соловьевичем.

Резкий тон брошюры Серно-Соловьевича не мог не вывести Герцена из себя. Тяжело читать его письма этого периода, в которых он выражал негодование не только на Серно-Соловьевича, но и на других представителей «молодой эмиграции», несправедливо обвиняя их в поддержке этого выступления Серно-Соловьевича. Отношения Герцена с «молодой эмиграцией» приняли с той поры особенно враждебный характер. С течением времени чувство обиды у Герцена потеряло первоначальную остроту, восстановились и личные отношения с Серно-Соловьевичем (см. письмо Серно-Соловьевича к Огареву от 1 ноября 1867 г.— «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 548—551). Тем не менее, осенью 1867 г. Серно-Соловьевич предоставил С. Боркгейму право перевести на немецкий язык его брошюру против Герцена. Впрочем, даже тогда, когда перевод ее был уже готов и прислан Серно-Соловьевичу на отзыв, он задержал его на некоторое время, не решаясь «выносить сор из избы». Только выход в свет пробного номера «Kolokol'a», издание которого Герцен предпринял после прекращения русского «Колокола», положил конец колебаниям Серно-Соловьевича: в «Kolokol'e», по его словам, он нашел «прежние вздохи и глупости». К счастью, немецкий перевод брошюры вышел только в 1871 г., уже после смерти и Герцена, и самого Серно-Соловьевича.

Характерно, что незадолго до смерти Серно-Соловьевича Герцен вел с ним, а также с П. И. Якоби и Н. И. Жуковским переговоры относительно совместного возобновления «Колокола». Об этом известно со слов В. Ф. Лугинина, бывшего свядетелем переговоров (см. М. О. Гершензон. Письма к брату. М., 1927, стр. 150—151).

Проект Герцена не привел к каким-либо реальным результатам, тем не менее, самый факт в высшей степени показателен.

Об изменении отношения Герцена к Серно-Соловьевичу сохранилось свидетельство В. А. Зайцева, который имел, несомненно, в виду Серно-Соловьевича, когда писал в своей брошюре: «... нам отрадно заявить, что Герцен в последние дни еще сочувственно говорил об одном честном молодом деятеле, так рано умершем в Женеве, который в свое время высказал ему много горького из-за любви к правде...» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 176).

Для характеристики Серно-Соловьевича необходимо упомянуть еще об одной его брошюре, выпущенной на русском языке в 1868 г. под названием «Миколка-публицист». Эта брошюра была направлена против Н. Я. Николадзе, который хотя и не был эмигрантом, но жил в то время в Швейцарии, вращаясь в эмигрантской среде. Поводом для написания брошюры послужила Серно-Соловьевичу статья Николадзе, напечатанная в № 3 журнала «Современность», издававшегося в Женеве Николадзе и Л. И. Мечниковым. В ней автор выступил с рядом тяжелых обвинений по адресу русских эмигрантов. По словам Николадзе, эмигранты были людьми полуграмотными в политическом отношении, лишенными твердых убеждений, неспособными на серьезное дело, не отдающими себе отчета в том, существовали ли основательные причины для их отъезда из России. При таких условиях эмигрантам, по мнению Николадзе, не оставалось ничего другого, как или возвратиться в Россию по примеру В. И. Кельсиева, или отказаться от политической деятельности и, оставаясь за границей, погрузиться в обывательскую жизнь. Серно-Соловьевич, взбешенный клеветническими обвинениями Николадзе против эмигрантов, ответил на его статью исключительным по резкости намфлетом. Спорить с Николадзе по существу и опровергать его обвинения Серно-Соловьевич считал излишним. «Прочли Миколкину патологию,— писал он в статье о Николадзе, — и сказали про Миколку: "Совсем дурак Миколка". Так, кроме дурака, больше ничего и не сказали».

Последние годы жизни Серно-Соловьевич отдался всецело работе в Интернационале и участию в женевском рабочем движении (см. об этом подробнее в нашей статье в «Историческом сборнике» АН СССР, вып. V. М.— Л., 1936).

Почти все русские эмигранты, жившие в Женеве и ее окрестностях, состояли членами секций Интернационала. Работа Серно-Соловьевича в женевских секциях началась в 1867 г. Вскоре он стал весьма заметной фигурой в женевском рабочем движении. Характерно, что по выходе в свет первого тома «Капитала» Маркс счел необходимым послать экземпляр его Серно-Соловьевичу.

При почти полном отсутствии среди женевских рабочих теоретически образованных людей, способных владеть пером, Серно-Соловьевич, несомненно, приносил большую пользу местному рабочему движению. В 1868 г. он был одним из редакторов небольшого журнала «La Liberté», фактически являвшегося органом романских секций Интернационала. В том же году Серно-Соловьевич принимал самое деятельное участие в руководстве начавшейся в Женеве стачкой строительных рабочих, добивавшихся повышения своей нищенской заработной платы.

В период, предшествовавший стачке, Серно-Соловьевич вел агитацию среди рабочих, руководил их кружками, выступал с речами, председательствовал на собраниях членов Интернационала, писал статьи, воззвания и т. п. В одном из писем к своей приятельнице, М. В. Трубниковой, он сообщал: «Здесь, в эти последние три-четыре недели, рабочий вопрос принял очень серьезный оборот. Как член интернационального общества рабочах, я написал несколько статей, которые были замечены в обоих лагерях. Работы было много, случалось спать два-три часа в ночь» («Звенья», V, 1935, стр. 391). К сожалению, мы не знаем, о каких статьях своих сообщает здесь Серно-Соловьевич. Известна нам только одна брошюра, выпущенная им анонимно во время стачки. Это «Réponse à Goegg. A propos de la grève» («Ответ Геггу. По поводу стачки»).

Аманд Гегг, против которого была направлена эта брошюра,— участник германской революции 1848—1849 гг. Он эмигрировал после ее подавления в Швейцарию. Участвуя в местном рабочем движении, он в то же время скопил значительные средства и превратился в фабриканта. По своим взглядам Гегг являлся буржуазным демо-

кратом, сторонником таких реформ, которые должны были «разрешить» социальный вопрос к обоюдному удовольствию фабрикантов и рабочих. Посетив Женеву во время стачки, он опубликовал в местных газетах статью, в которой, рекомендуя себя как «общепризнанного друга рабочих», призывал забастовщиков и предпринимателей к взаимным уступкам в целях обеспечения социального мира.

Статья Гегга произвела известное впечатление на отсталые слои рабочих. Чтобы парализовать его, Серно-Соловьевич и выступил со своей брошюрой, в которой подверг Гегга сокрушительной критике, доказывая, что тот не заслуживает никаких симпатий со стороны рабочих.

ОБЪЯВЛЕНІЯ С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЕННАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

0 закрытій народныхъ читаленъ и шахматнаго клуба.

Въ объявлени С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ Губернатора, помъщенномъ во вчерашнемъ № Инвалида о закрытии народныхъ читаленъ, по ошибкъ пропущено два слова и потому сегодня перепечатывается снова это объявление.

Въ следствіе замъченнаго вреднаго направленія некоторыхъ изъ учрежденныхъ въ последнее время народныхъ читаленъ, которыя даютъ средство не столько для чтенія, сколько для распространенія между посещающими оныя лицами сочиненій, имёющихъ цёлію произвести безпорядки и волненіе въ народѣ, а также безосновательныхъ толковъ, С.-Петербургскій Военный Генералъ-Тубернаторъ призналъ необходимымъ закрыть, впредь до дальнёйшаго распоряженія, всё нынё существующія народныя чательни.

11

С. Петербургскій Военный Генераль Губернаторь, считая въ настоящее время своєю обязанностію принимать всъ міры къ прекращенію встревоженнаго состоянія умовь и къ предупрежденію между населеніємь столицы, не иміющихь никакого основанія толковь о современныхъ событіяхь, призналь необходимымь закрыть, впредь до усмотрівнія, шахматный клубь, во которомь происходять и изъ коего распространяются ті не основательныя сужденія.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ О ЗАКРЫТИИ НАРОДНЫХ ЧИТАЛЕН И ШАХМАТНОГО КЛУБА В ПЕТЕРБУРГЕ

Одним из учредителей клуба был А. А. Серно-Соловьевич «Русский инвалид», № 126 от 8 июня 1862 г.

«Вы говорите, — писал Серно-Соловьевич, обращаясь к Геггу, — что постоянно занимаетесь судьбою рабочего. На это мы позволим себе ответить. Кто вы такой, г. Гегг? Чем вы живете? Получают ли от вас рабочие все должное им? Проживаете ли вы столько же, сколько производите? Потрудитесь показать нам ваши счета (...)

Г-н Гегг переходит затем к истории: он рассказывает нам, как буржуазия победила безжалостную аристократию, как она сделалась главенствующим классом в обществе благодаря своему уму, труду, воспитанию. Знаем мы этот ум буржуазии; много ли его нужно, чтоб спекулировать на том, что произвели другие?

Г-н Гегг думает еще, что родственная связь между буржуазией и народом больше, чем между этим последним и аристократией. Нет, милостивый государь, эта бездна так же глубока. Сделала ли что-нибудь буржуазия, чтоб улучшить судьбу тех, кто ее кормит? <...> У аристократии было хоть свое 4 августа, тогда как буржуазия скорее готова разорить страну, уморить голодом рабочего, чем платить ему сорок сантимов в час».

Возражая на призыв Гегга к «слиянию классов», Серно-Соловьевич иронизировал: «При этих словах нам уже представляется, что капиталисты несут свои капиталы

в кассу Интернационала. Отчего не подает г. Гегг первый примера этому слиянию, предоставив свои собственные капиталы на создание такой ассоциации?»

В заключение своей брошюры Серно-Соловьевич говорил рабочим: «Каков бы ни был исход конфликта, не станем доверять *благодетелям* человечества и запомним навсегда, что тот, кто толкует нам о любви, спекулирует или спекулировал нашим трудом».

Брошюра Серно-Соловьевича с ее страстной отповедью «либеральному» капиталисту имела огромный успех среди рабочих и сорвала выступление Гегга.

Хотя бастовавшим женевским рабочим удалось добиться частичного удовлетворения своих требований, Серно-Соловьевич не был вполне доволен исходом стачки. 20 ноября 1868 г. он писал Марксу: «Последняя стачка показала, как мало еще рабочие способны руководить сами собою, раз какой-то г. Гегг именно в тот момент, когда надо было проявить максимум энергии, мог в течение двух долгих недель водить рабочих за нос и создать себе выдающееся положение в стране!» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Изд. 2. М., 1951, стр. 34—35).

Серно-Соловьевич убедился, что необходима еще громадная работа как по организации рабочих, так и по поднятию их политического сознания. За эту работу он и взялся по окончании стачки.

Он был избран секретарем статистического бюро женевских секций. Ему было поручено составлять отчет об их деятельности для очередного конгресса Интернационала, который должен был собраться в Брюсселе в сентябре 1868 г. Он состоял членом комиссии, составлявшей проект устава касс сопротивления. В связи с предстоявшими в ноябре 1868 г. выборами женевского Большого совета (так называлось законодательное собрание кантона), он совместно с некоторыми другими членами Интернационала пытался создать отдельную рабочую партию, которая должна была выдвинуть на выборах своих кандидатов. Партия эта ставила своей задачей борьбу за уничтожение «неравенства правового и экономического». В качестве же неотложных реформ она требовала отделения церкви от государства, введения обязательного для всех бесплатного обучения, замены всех прямых и косвенных налогов единым подоходным и налогом на наследства, широкого самоуправления общинных собраний, создания банка, призванного облегчать осуществление кооперативных принципов, и др.

Результаты выборов оказались весьма плачевными для новой партии. Ей не удалось провести ни одного своего кандидата в Большой совет. Общее количество голосов, собранное ею, немного превышало сотню.

Причина этой неудачи заключалась в том, что большинство женевских рабочих состояло, главным образом, из строительных рабочих. Это были преимущественно иностранцы или выходцы из других кантонов. Ни те, ни другие избирательным правом в Швейцарии не пользовались. Что же касается многочисленных в Женеве часовщиков, ювелиров, граверов, живописцев по эмали и т. п., то они в силу не изжитого еще ими оппортунизма и мелкобуржуазных иллюзий уклонились от голосования за кандидатов новой партии и отдали свои голоса по старой привычке радикалам.

Было еще одно обстоятельство, обусловившее неудачный для новой партии исход выборов. Это появление в Женеве Бакунина и создание им Альянса социальной демократии, который должен был войти в Интернационал и, опираясь на который, Бакунин рассчитывал начать войну против Маркса и руководимого им Генерального совета. К попытке создания рабочей партии Бакунин отнесся в высшей степени отрицательно, так как он не признавал необходимости вмешательства рабочих в политическую борьбу и выдвигал требование полного уничтожения государства. Вскоре после опубликования программы рабочей партии, за несколько дней до выборов в Большой совет, Бакунин устроил учредительное собрание Альянса. К огорчению Серно-Соловьевича, некоторые из его соратников по созданию рабочей партии оказались и в числе учредителей Альянса, что, конечно, было прямой изменой делу, начатому ими вместе с Серно-Соловьевичем. Провал рабочей партии на выборах способствовал дальнейшему успеху бакунинской проповеди аполитизма.

Ученик Чернышевского, прекрасно понимавший необходимость участия рабочих в политической борьбе, Серно-Соловьевич был одним из очень немногих деятелей же-

невского Интернационала, не примкнувших к Альянсу. Считая политику, проводимую Бакуниным, гибельной для рабочего движения и Интернационала, Серно-Соловьевич являлся убежденным противником Бакунина и его последователей. Но в результате их все более крепнувшего влияния на развитие рабочего движения в Женеве Серно-Соловьевич в последний год жизни оказался почти в полной изоляции.

Правда, он был включен в члены комиссии, разрабатывавшей проект создания газеты, которая должна была явиться официальным органом романской федерации Интернационала. Однако на конгрессе романских секций, происходившем в Женеве в январе 1869 г., бакунисты одержали полную победу, и Серно-Соловьевич, вопреки его расчетам, не был включен в состав редакционного совета газеты.

Разочарования, пережитые Серно-Соловьевичем, не поколебали, однако, его веры в конечную победу дела, за которое боролся Интернационал. Но для победы Серно-Соловьевич считал необходимым прежде всего повышение умственного уровня рабочего класса, рост его политической сознательности. В письме к Марксу Серно-Соловьевич ставил в большую заслугу Интернационалу пробуждение в рабочем классе «сознания того, что у них в жизни есть нечто, помимо жестокого закона спроса и предложения» (там же, стр. 32—33).

Последние годы жизни Серно-Соловьевич почти совершенно не занимался русскими делами, но интереса к ним он не утратил. Автор некролога, помещенного в «Народном деле», приводит его чрезвычайно интересное заявление. «Меня мучит,— говорил Серно-Соловьевич,— что я не иду в Россию мстить за гибель моего брата и его друзей; но мое единичное мщение было бы недостаточно и бессильно; работая здесь в общем деле, мы отомстим всему этому проклятому порядку, потому что в Интернационале лежит залог уничтожения этого порядка повсюду, повсеместно!»

Цень разочарований, пережитых Серно-Соловьевичем, привела к тому, что под конец жизни его душевная болезнь вспыхнула с новой силой. Его пришлось поместить в больницу. В один из промежутков болезни, когда к нему вернулась ясность сознания, он узнал от врача, что его положение безнадежно. Тогда Серно-Соловьевич бежал из больницы и покончил с собою (4/16 августа 1869 г.).

В предсмертной записке, оставленной друзьям, он писал: «Я люблю жизнь и людей и покидаю их с сожалением. Но смерть — это еще не самое большое зло. Намного страшнее смерти быть живым мертвецом».

Так погиб один из самых верных и преданных учеников и соратников Чернышевского*.

1. ПИСЬМО Л. П. ШЕЛГУНОВОЙ к А. А. ЧЕРКЕСОВУ

Автор печатаемого письма, Людмила Петровна *Шелгунова* (1832—1901), жена известного публициста Н. В. Шелгунова, в 1863—1865 гг. жила в Швейцарии — сперва в Цюрихе, а с 1865 г. в Женеве. В обоих этих городах она содержала пансион для русских, преимущественно эмигрантов. Так, в Цюрихе в ее пансионе жили А. А. Серно-Соловьевич, П. И. Якоби и его жена В. А. Голицына. Шелгунова сблизилась с Серно-Соловьевичем и имела от него сына.

Публикуемое письмо было написано 5 января 1865 г., во время эмигрантского съезда в Женеве, созванного для урегулирования взаимоотношений между издателями «Колокола», с одной стороны, и «молодой эмиграцией», с другой. Для понимания этого письма необходимо привести несколько выдержек из писем Герцена к Огареву, в которых он информировал его о ходе женевских переговоров. Переговоры эти, как известно, происходили в весьма напряженной обстановке. Герцен не соглашался с требованиями, предъявленными ему «молодыми эмигрантами», находя их несправедливыми. Однако, как видно из его письма к Огареву от 4 января, стороны, наконец, пришли к соглашению, и Герцен считал переговоры законченными. «Здесь я покончил

^{*} Публикуемые новые материалы для биографии Александра Серно-Соловьевича собраны редакцией «Литературного наследства».

мирно, — писал он Огареву. — Молодые люди отказались (откровенно или нет) от своих требований и обещают горы работ и корреспонденций к 1 мая (...) После всех переговоров, "заседаний" и пр. родилась следующая программа, которую я тебе посылаю. Такую программу и подобную можно составить mille e tre* в день. Я на нее совершенно согласился. Что "Колокол" издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя, это для меня ясно. Здесь перекрещиваются беспрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр. Но что мы будем делать с милой оравой этой, я не знаю» (XVIII, 6). Таким образом, Герцен согласился на предложенную ему «программу», хотя и не был вполне доволен ею. Однако перед самым отъездом своим из Женевы, состоявшимся 6 января, он узнал, что намеченное соглашение сорвалось. 7 января Герцен писал Огареву: «Женевские щенята в последнюю минуту отказались от всего (по приказу из Цюриха), -- да черт же с ними, наконец» (XVIII, 8). На следующий день он сообщил Огареву некоторые подробности относительно срыва соглашения. «После ежедневных прений и разговоров, в которых под скрытой симпатией и уважением крылась мелкая оппозиция и желание захватить в свои руки "Колокол" и деньги Бахметева, после программы, которую я послал тебе,— за час до моего отъезда является один из них с заявлением, что цюрихские господа не согласны (Серно-Соловьевич — главный противник наш, Якобий и Шелгунова), что они стоят на своем: "Колокол" издавать по большинству голосов или издавать журнал на Бахметева деньги <...> Пора же, наконец, и тебе окончательно вразумиться на их счет. У них нет ни свизей, ни таланта, ни образования; один Мечников умеет писать; им хочется играть роль, и они хотят нас употребить пьедесталом. Я доказал им, до чего идет моя уступчивость, Луугинин и Куасаткин дивились мне. Ну, и баста. Ты знаешь, у меня никогда не лежало к ним сердце, — у меня есть свое чутье (...) Женева при разрыве с этими господами делается превосходным местом. Они надоели бы, как горькая редька. Au reste**, я твоим личным вкусам не хочу препятствовать, но работать с ними нельзя» (XVIII, 8-9).

Приведенные нами выдержки из писем Герцена дают возможность исчерпывающим образом прокомментировать письмо Шелгуновой. То «письмо, поднесенное Герцену», о котором пишет Шелгунова,— программа, предложенная Герцену «молодой эмиграцией» и принятая им, та программа, которую он 4 января отправил для ознакомления Огареву и которая, очевидно, не была согласована с Серно-Соловьевичем («Местром») и Якоби и вызвала резкий протест с их стороны. Показал ли Черкесов негодующие письма Серно-Соловьевича и Якоби другим представителям «молодой эмиграции» или только на словах, как об этом просила Шелгунова, передал в смягченной форме об их недовольстве,— неизвестно. Во всяком случае, из-за протеста Серно-Соловьевича и Якоби достигнутое соглашение между «молодой эмиграцией» и Герценом было сорвано, что привело к дальнейшему обострению их и без того неприязненных взаимоотношений.

Таким образом, письмо Шелгуновой для истории женевских эмигрантских переговоров представляет значительный интерес.

Письмо публикуется по копии «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 117).

Цюрих. 5 января 1865 г.>

Будьте так добры, Черкесов, не читайте кружку писем Якоби и Местра 1. Это чистое безумие; ради бога, устройте это для меня. Письма их оскорбят Утина и пользы не принесут. Местра же письмо рассорит нас со всем кружком. Мое мнение такое, чтобы вы сами своими словами объяснили из их писем, чем они недовольны,— собственно для того, чтобы телеграмма не осталась неразъясненною. О том, что я вам телеграфирую, я объясню (на) днях моим молодцам. Скажите Утину, что А. А. 2 так горячо принимает это дело, что ему сделалось дурно, получив письмо, под-

^{*} тысячу три (итал.). Слова Лепорелло в опере «Дон Жуан» Моцарта. — $Pe\partial$. ** впрочем (франц.).

несенное Герцену. Всю вину я беру на себя, если вас будут обвинять, что вы не имели права не читать писем. Письмо это можете показать как документ. Я уверена, что Местр завтра же будет жалеть, что написал такое резкое письмо. Пожалуйста, умоляю вас, исполните мою просьбу. Деньги когда ваши получу, вышлю вам сто талеров, а восемьдесят четыре возьму себе. Если Ковалевский з мне оставит денег, то я вам могу отдать и 200 фр., а не оставит, так не отдам. Триста рублей в Петербурге получены, может быть их вышлю (т) обратно. До свиданья. Уж будет ли друг хозяина? 4

5 января (1865 г.)

Л.* Ш.

¹ *Местр* — прозвище Серно-Соловьевича, которым он сам подписывал некоторые свои письма.

² А. А.— Серно-Соловьевич.

Владимир Онуфриевич Ковалевский также присутствовал на эмигрантском съезде.
 Письма Ковалевского к Герцену см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 259—272.
 По-видимому, Шелгунова осведомляется здесь об Огареве.

2. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СТАТЬИ ОГАРЕВА

Во вступительной статье к настоящей публикации мы указали, против какой статьи Огарева счел необходимым выступить в конце 1866 г. с «Протестом» Серно-Соловьевич и что в этой статье вызвало его возражения. Как известно, Серно-Соловьевичу не удалось напечатать свой «Протест» на русском языке. Он был переведен на французский и выпущен в виде отдельной пистовки под названием: «Question polonaise. Protestation d'un Russe contre le "Kolokol"» («Польский вопрос. Протест русского против "Колокола"»). Русский перевод этой листовки, выполненный Ф. Фрейденфельдом по экземпляру ее, хранящемуся в женевской университетской библиотеке, был напечатан в «Литературном наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 113—115.

В «пражской коллекции» сохранился русский автограф листовки Серно-Соловьевича, который первоначально хотел напечатать свой «Протест» либо в «Колоколе», либо отдельным изданием на русском языке и предлагал Герцену оплатить стоимость отдельного издания. Однако он получил отказ. Доставленный им Герцену экземпляр «Протеста», очевидно, остался у издателя «Колокола» и таким образом попал в «пражскую коллекцию».

В опубликованном переводе французского текста листовки имеются значительные стилистические расхождения по сравнению с русским оригиналом, не изменяющие, однако, существа аргументации автора; имеется там также отсутствующий по понятным причинам в русском оригинале постскриптум, в котором Серно-Соловьевич рассказывает о своих неудачных попытках напечатать «Протест» в «Колоколе» или отдельным изданием в Вольной русской типографии.

Текст листовки публикуется по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126).

ПРОТЕСТ

Довольно, довольно уступок с нашей стороны ради прошлых заслуг; уступать долее и молчать я не считаю позволительным.

Глубоко расходясь с деятельностью гг. издателей «Колокола», я молчал до сих пор, потому что тяжело было открыто начинать междоусобицу в своем лагере,— я молчал даже и тогда, когда в «Колоколе» появлялись чуть не верноподданнические письма к убийце Александру II—Вешателю, печатались статьи с презрительными отзывами о наших молодых мучениках. Я молчал, потому что не хотелось, чтобы Катковы, Скарятины и вся эта сволочь, вся эта падаль из отхожих мест, идущая с ними

^{*} В копии ошибочно: А.-Ред.

и за ними, видела разлад той микроскопической партии, которая называется русской эмиграцией; я молчал, наконец, так долго, потому что когда-то страстно любил и глубоко уважал гг. Герцена и Огарева. Но гг. издатели «Колокола» глухи ко всем советам и просьбам своих друзей; на все, что им говорят, они отвечают: «Пишите против нас». Они не признают никакой солидарности с нами — наше дело разорвать с ними политическую связь, когда-то соединявшую нас.

В 224 номере «Колокола» (1-го ноября) помещена статья г. Огарева «О продаже имений в Западном крае». Корректируя эту статью, я просил г. Огарева выбросить из нее все то, что относится до переселения в Польшу русских крестьян, говоря, что это и ложно по мысли и должно грубо оскорбить тех, которым «Колокол» постоянно говорит «наши братья, поляки». Господа редакторы не согласились на эту поправку, защищая свой проект своими социальными теориями и тем, что в статье они будто бы остаются верными своей прежней деятельности и вывешенному ими знамени.

Против этой-то статьи я считаю теперь необходимым протестовать печатно.

Не уполномоченный никем, не представляя ни мнения партии, ни даже кучки людей, я протестую только от своего собственного имени; но я уверен, что русское молодое поколение будет в этом вопросе со мною, а не с «Колоколом».

Я протестую, — чтобы доказать полякам, что в России есть еще люди, которые, краснея за свою роль палачей и разбойников, прежде всего искренно и без задней мысли хотят полного освобождения Польши и всего польского, т. е. отделения их от России. Эти люди говорят, что прежде примирения обеих сторон, прежде союзного общежития на каких бы то ни было началах, с нашей, русской, стороны должны быть покаяние и акт справедливости.

Я протестую, — чтобы доказать, что гг. издатели «Колокола» изменили в польском вопросе своим прежним воззрениям, потому что некогда они проповедовали прежде всего право Польши устраиваться на тех началах, какие она признает для себя более удобными.

Я протестую, — чтобы доказать, что «Колокол» не служит представителем молодого русского поколения, а выражает только личные воззрения гг. Герцена и Огарева.

Я протестую, — чтобы доказать, что статья Огарева — страшная политическая ошибка. До сих пор, мы—наша партия — всегда упрекали поляков за узкость их воззрений, за их злобу и недоверие к нам, людям, сосланным в рудники или скитающимся за границею. Но могут ли поляки доверять нам после статьи Огарева? Этой статьи поляки никогда не простят нам — и будут правы. Будь я поляк, я возненавидел бы все русское двойною ненавистию. К чему же вечно твердить полякам: «Наши братья», к чему «пожимать им руки», к чему говорить: «Ваше дело — наше дело».

Я протестую,— чтобы доказать, что рассуждения этой статьи о том, что введение русской шляхты в Польшу будет страшным вредом для края, доказывает со стороны издателей «Колокола» и совершенное непонимание дела, и страшную бестактность. Русская шляхта, особенно та, которая пойдет скупать польские имения, неминуемо потонет в польском элементе. Ну, а вот если русское правительство схватится за проект «Колокола» и наводнит Польшу русскими крестьянами, облегчив им еще там условия жизни, тогда действительно настанет Finis Poloniae.

Я протестую, — чтобы доказать, что статья г. Огарева напоминает басню Крылова «Щука, рак и лебедь», что концы ее никак не сведешь с пачалом, что начало тянет в одну сторону, а конец — в другую. Я спра-

БРОШЮРА А. А. СЕРНО-СОЛОВЬ -ЕВИЧА «НАШИ ДОМАШНИЕ ДЕЛА», ВЕВЭ, 1867

Титульный лист

Библиотека СССР им. В. И. Ленина Москва

шиваю: что значит русифицировать, полонизировать, германизировать и т. д. какую-нибудь страну? Не значит ли это насильственно вводить в страну чуждые ей элементы? и не есть ли переселение русских крестьян в Польшу — русифицирование ее? Добровольное соглашение, говорят нам гг. редакторы «Колокола». Знаем мы, что значит в России добровольное соглашение, а если гг. редакторы не знают, что это такое, то пусть спросят у нас, знакомых ближе, чем они, с современной Россией. Да к тому же добровольное соглашение предполагает обоюдное согласие. А вероятно, даже и гг. Герцен и Огарев не предполагают ни чтобы мягкосердечный Александр II стал спрашивать поляков, хотят ли они оставить Польшу, ни чтобы поляки захотели выселяться из отечества.

Я протестую, наконец,— чтобы доказать, что я понимаю совсем иначе, чем гг. издатели «Колокола», и осуществление социальной теории и какие бы то ни было обновления общественных форм. Прежде чем подносить кому-нибудь свое лекарство, нужно доказать и свою способность лечить, и то, что у вас хотят лечиться. Если же вы подносите мне ваши врачевания на конце кнута или штыка, если вы нагло вторгаетесь в мой дом, тогда я вправе сказать вам: или убирайтесь вон, или сознайтесь, что вы разбойники и палачи. Истинные социалисты совсем не хотят, чтобы народы, как дикие звери, поели друг друга; в том-то и великая задача социализма—найти такую формулу, которая, перестроив экономический быт народов, дала бы возможность не только каждому из них, но и каждой местности жить своей полной, независимой жизнию.

Я с своей стороны не стану говорить полякам ни «наши братья», ни «давайте ваши руки», «ваше дело — наше дело», ни других тому подобных красивых фраз. Я, напротив, скажу полякам с полной откровенностью, что, глубоко сочувствуя им, как нации героев и мучеников, как нации угнетенной, и особенно угнетенной народом, к которому принадлежу я, — я вместе с тем не считаю их дела нашим делом до тех пор, пока польское движение будет совершаться под знаменем панов и ксендзов, до тех пор, пока их движение не сделается движением народным. Пока нас соединяет, однако, только ненависть к немецким ублюдкам, владычествующим над нами.

Но, как бы ни было и что бы ни было, сперва — отделение Польши и всего польского от России, а потом, если возможно, федеративное соединение, сперва — разделение, а потом, если возможно, братский союз.

Еще раз повторяю, я говорю только от своего имени, но уверен, что русская молодежь будет в этом вопросе со мною, а не с «Колоколом». Я не верю, чтобы могучее слово гениального Чернышевского упало все на бесплодную почву. Учитель! Как тебя недостает между нами, каким счастием почел бы я, если б мне ценою собственной жизни искупить хоть часть страданий, на которые обрекли тебя эти убийцы.

Ну, а если молодежь будет с «Колоколом»? Тогда — тогда я буду $o\partial u \mu$ проповедовать отделение Польши от России, один протестовать против всяких проектов русификации Польши,— и еще раз прокляну тот день и час, в который я родился между рабами.

А. Серно-Соловьевич

3. ПРЕДИСЛОВИЕ С.-Л. БОРКГЕЙМА К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ «НАШИ ДОМАШНИЕ ДЕЛА»

Неменкий перевод брошюры А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» был издан уже после смерти ее автора под названием «Unsere Russische Angelegenheiten. Antwort auf den Artikel des Herrn Herzen "Die Ordnung herrscht" ("Kolokol", Nr. 233)» («Наши русские дела. Ответ на статью господина Герцена "Порядок торжествует"».—("Колокол", № 233»). Он вышел в 1871 г. в Лейпциге и печатался в типографии, принадлежавшей газете Вильгельма Либкнехта «Der Volksstaat». Перевод был просмотрен Серно-Соловьевичем. Переводчик снабдил его своим предисловием, представляющим значительный интерес. В нем приведены два весьма содержательных письма Серно-Соловьевича к переводчику, его же открытое письмо к ренегату В. И. Кельсиеву и, наконец, предсмертная записка, оставленная Серно-Соловьевичем своим друзьям и объясняющая мотивы его самоубийства.

Необходимо пояснить, что представлял собою переводчик брошюры Серно-Соловьевича.

Сигизмунд-Людвиг *Борксейм* (1825—1885)— немецкий политический деятель демократического направления, близкий знакомый Маркса и Энгельса, участник революции 1848 г., после подавления которой эмигрировал в Швейцарию, а затем во Францию. В 1851 г. он был арестован и выслан из страны французским правительством и уехал в Англию. Поселившись в Лондоне, он занялся торговой деятельностью, В 1860 г. Маркс называл его «видным купцом лондонского Сити» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. І. М.— Л., 1933, стр. 255).

Характеризуя политические взгляды Боркгейма, Энгельс писал: «Не связывая себя определенной программой, Боркгейм всегда примыкал к самой революционной партии» (там же, т. XVI, ч. І. М.— Л., 1937, стр. 301). Свою публицистическую деятельность Боркгейм посвятил преимущественно борьбе с русским абсолютизмом, как с главной опорой европейской реакции. При этом он не делал различия между рус-

ским правительством, русским народом и русской революционной партией. Отсюда его ненависть к Герцену, которого он обвинял в панславизме и в желании подчинить России балканские страны. В этом отношении Боркгейм, как все фанатики, часто доходил до абсурда. Маркс отмечал, что русофобия Боркгейма принимала «опасные размеры» (там же, т. XXIV. М.— Л., 1935, стр. 122). Это особенно ярко проявилось в 1867 г., когда Боркгейм произнес речь на Женевском конгрессе Лиги мира и свободы, в которой он, по выражению Маркса, выступал «в роли Петра Пустынника по отношению к России» (там же, т. XXIII. М.— Л., 1932, стр. 458). Боркгейм доказывал необходимость крестового похода всех европейских государств против России, для оттеснения русского народа за Урал. Эту речь Боркгейм позднее напечатал на нескольких языках под претенциозным названием: «Моя жемчужина перед Женевским конгрессом». Маркс очень резко отзывался об этом «произведении» Боркгейма, характеризуя его, как «безвкусную белиберду» и «чистейшую бессмыслицу» (там же, стр. 450—451; ср. также — т. XXV, М.— Л., 1934, стр. 496)*.

Во время пребывания в Женеве на конгрессе Лиги мира и свободы Боркгейм познакомился с Серно-Соловьевичем, который заинтересовал его как противник Герцена, выступавший против него в печати. Узнав о брошюре Серно-Соловьевича, Боркгейм решил перевести ее на немецкий язык. Надо сказать, что Боркгейм специально изучил русский язык для того, чтобы читать русские газеты и эмигрантскую литературу. Владел он русским языком не слишком хорошо и, когда пробовал писать порусски, не всегда можно было понять, что именно хочет он сказать. Тем не менее он взялся за перевод на немецкий язык брошюры Серно-Соловьевича, обязавшись прислать его автору на просмотр. История издания немецкого перевода брошюры Серно-Соловьевича подробно изложена в печатаемом ниже предисловии Боркгейма.

По просьбе Боркгейма Серно-Соловьевич снабдил перевод своей брошюры пояснениями тех мест, которые представлялись переводчику недостаточно ясными и понятными для немецкой публики, слабо разбиравшейся в русских делах. Подавляющее большинство этих пояснений не представляет интереса для русского читателя, но некоторые из них не лишены значения для биографии Серно-Соловьевича, рисуя его отношение к упоминаемым в брошюре событиям и лицам. Приводим наиболее значительные из этих пояснений.

О великом князе Константине Николаевиче Серно-Соловьевич замечает, что он долгое время хотел играть в России роль «либерала», подобную той, какую при Наполеоне III играл принц Наполеон. «Как всякое глупое подражание, это было пошло и грязно»,— пишет Серно-Соловьевич.

Характерна сноска Серно-Соловьевича к фамилиям Милютина и Арцимовича: «Два так нааываемых русских государственных деятеля, которые с муравьевским хладнокровием творили в Польше всевозможные зверства. Первый из них, друг великого князя Константина, долгое время был на плохом счету при дворе из-за своего так называемого социалистического направления, которое, как теперь выяснилось, заключалось в том, чтобы уничтожить поляков и их землю заселить русскими крестьянами. Второй, поляк по происхождению, является ренегатом. Оба—самые честолюбивые люди России».

Интересны отзывы Серно-Соловьевича о русских революдионерах.

К фамилиям Сазонова и Энгельсова Серно-Соловьевич дает следующее пояснение: «Два русских политических эмигранта (...), умерших в изгнании. Они были друзьями Герцена. Теперь же, чтобы показать, что в России имеется только один единственный человек, достойный быть эмигрантом,— именно сам Герцен — он публикует грязные истории из их частной жизни, которая известна ему, как их другу». Ясно, что Серно-Соловьевич имел в виду главы «Былого и дум», посвященные этим двум эмигрантам.

В примечании о погибшем во время польского восстания Потебне Серно-Соловьевич пишет:

^{*} О Боркгейме см. также в настоящем томе статью Вольфа Дювеля «Чернышевский в немецкой рабочей печати» и статью Е. Reissner «Zur Herzen-Kritik in frühen sozialdemokratischen Zeitungen. (Borkheims Polemik gegen Herzen)». — «Zeitschrift für Slawistik», Band III, Heft 2-4, Berlin, 1958, S. 483—493. — Ред.

«Потебня был одним из деятельных молодых русских офицеров, вступивших в бой за Польшу. Когда он приехал в Лондон, чтобы спросить у Герцена совета, что должны делать офицеры и подготовлено ли восстание в России, в то время как революционное движение в Польше в разгаре и нельзя больше медлить, Герцен ответил ему своими обычными фразами о "гниении" Европы, а по существу самого дела не сказал ничего. Потебня оставил Лондон разочарованным. Он был убит в борьбе за Польшу».

Чрезвычайно враждебен отзыв Серно-Соловьевича о П. В. Долгорукове. «Долгоруков — это тот самый князь, который опубликовал свои грязные мемуары. Почему этот человек объявил себя эмигрантом, не знает никто, даже он сам. Презираемый всеми русскими, находящийся в постоянной переписке со всеми русскими сановниками, он из всех эмигрантов поддерживал связь только с г. Герценом, пока, наконец, не издал свою глупую и тупую брошюру о Женевском конгрессе мира, в которой называет гг. Герцена, Бакунина и Огарева старыми, седыми и неисправимыми буршами».

Приведем в заключение одну сноску, касающуюся Герцена: «После покушения Каракозова у г. Герцена обсуждался вопрос о протесте против этого героя».

Предисловие и включенные в него письма печатаются в переводе с немецкого А. Н. Дубовикова.

введение

В 1867 г. я впервые услышал на берегах Женевского озера о русских «республиканцах и социалистах», которые не только ничего общего не имели с надворным советником Герценом, но были его противниками. Рассказывавший мне об этом был коренной русский, воспитанный в Германии, доктор философии и тоже надворный советник¹; случайно он оказался моим соседом за обеденным столом в гостинице. Он назвал мне русских «радикалов», совершенно неизвестных в Европе. Вскоре после этого мне попалось в некоторых швейцарских книготорговых объявлениях заглавие нижеследующей переведенной мною брошюры. Оно обратило мое особенное внимание из-за автора, имя которого, как я вспомнил, было названо среди других имен «радикалов», казалось бы, вполне лояльным русским надворным советником. Как только я ее прочел, я обратился письменно на французском языке к г. Серно-Соловьевичу с просьбой разрешить опубликовать ее по-немецки, а также разъяснить мне некоторые непонятные места и дать справку об упомянутых им, неизвестных мне лицах. Я получил следующий ответ, который перевожу с французского оригинала:

> Женева, 18 октября 1867 г. Делис 55.

Милостивый государь.

Я получил от книготорговца г. Бенда ваши письма от 12 и 14 текущего месяца и спешу ответить на ваши вопросы. Чернышевский и Добролюбов являются двумя крупнейшими публицистами молодой России. Им — никто не может это отрицать — обязаны мы движением, которое происходит сейчас в России и рано или поздно — так, по крайней мере, я надеюсь — должно привести к явному взрыву (éclater). Первый, приговоренный к каторжным работам, находится в Сибири, второй умер в возрасте двадцати шести лет. Едва ли нужно добавлять, что они являются противниками Герцена и именно в том смысле, что, по их мнению, слову, если оно не отмечено печатью лжи, не должно противоречить поведение человека в жизни. Никого не принуждают проповедовать социализм, но если кто-либо выступает как его пророк, он должен точно определить свой социализм, иначе он окажется не чем иным, как краснобаем.

Статьи Чернышевского рассеяны на страницах журнала «Современник», который он редактировал и который больше не существует. Иностранцу трудно его понимать - это относится правда только к его политическим статьям, -так как, для того чтобы провести цензуру, он писал прямо противоположное тому, в чем был убежден. Публика понимала его. Этот чедовек обладал большим и притом совершенно оригинальным талантом, я бы мог сказать, что это был настоящий гений. Он знал немецкую философию,

Unfere Ruffifden Angelegenheiten.

Untwort auf den Artifel des herrn bergen:

"Die Ordnung berricht!" (Relofel Nr. 233)

M. Cerno: Colomiewilid.

De hat than I can be a fire out from the fire of the f

Leipzig.

Berlag ber Grpebition bed "Spiteliani" 1871

Einleitung.

"Ich habe von bem Buchbandler Berrn Bende Ihre Briefe vom 12. und 14. b. 97. erhalten und berile mich, 3hre Fragen

nom 12 und 14 b. W. erhalten und beeile nich, Ihre Fragen zu beantworten.
"Ticherungsdefisti und Tobrotjuboff find die zwei größten Dudbiefiken des jungen Aufgland. Sie find es — Niemand fann ben nebergrechen, deren mir die Ewrogung schulben, die sich die im Russand vollzieht, und die früher oder in Justiand vollzieht, und die Turchbruck fommen muß (Schater). Jener befinder sich, zur Zwangsarbeit vorrutfeilt, in Sidirien, delfr ist, 26 Jahre alt, gestorfen. Ich brauch faum beizustigen, daß sie die Evergramsfund, das brauch faum beizustigen, daß sie die Evergramsfund vorrens sind, und zwar in dem Tinne, daß, gemäß ihres Urtheits, dem Worte,

неменкий перевол брошюры А. А. Серно-соловьевича «НАШИ ДОМАШНИЕ ДЕЛА». ЛЕЙПЦИГ, 1871

Титульный лист и первая страница предисловия переводчика — С.-Л. Боркгейма Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

как немногие немцы. Его сочинения теперь напечатаны в Женеве, как вы можете видеть из прилагаемого объявления книготорговца Бенда. Потом, который содержит его философский роман «Что делать?», только что вышел в свет3. Я перевожу его на немецкий язык для книготорговца Р. Лессера. Перевод почти готов и в ближайшее время должен быть напечатан в «Интернациональной библиотеке»⁴. Этот роман написан им в Петропавловской крепости.

Сочинения Добролюбова изданы в России в трех больших томах. Я намерен, ввиду их высокой цены (по меньшей мере 50-60 франков),

устроить, чтобы вам их выслали из Петербурга.

Теперь о моей брошюре. Разумеется, милостивый государь, вы можете с ней делать все, что вы сочтете нужным; но уверяю вас, тени ложной скромности, что она не заслуживает перевода, тем более, что она имеет только местный интерес. Все же делайте с ней, что вам угодно.

Я посылаю вам перевод и пояснения тех мест моей брошюры, на которые вы указали в вашем втором письме. Если вы будете настанвать на своем решении перевести ее, я просил бы вас перед опубликованием присылать мне немецкую рукопись по частям, по мере того, как она будет готова. Я дам все необходимые замечания и разъяснения. Я должен только вас предупредить, что *после* 10 ноября меня уже не будет в Женеве.

Вы предложили мне гонорар. Я отклоняю это предложение. Мы черпаем слишком много и без всякой скромности из немецких источников, чтобы я мог позволить себе принимать плату за подобные незначительные мелочи.

У меня еще одна просьба к вам: напечатать впереди текста брошюры прилагаемое письмо, адресованное г. Кельсиеву. Вы поймете его без комментариев. (Далее следуют некоторые пояснения, касающиеся языка и содержания брошюры.—Прим. С.-Л. Боркгейма).

Я жду вашего ответа и присылки части вашего перевода и прошу вас, милостивый государь, принять уверение в моем высоком уважении.

А. Серно-Соловьевич

Вскоре я послал ему, одну за другой, части перевода, но он в течение трех месяцев не подавал никаких признаков жизни. Я подозревал в этом скрытое влияние Герцена, которое, разумеется, должно было бы быть направлено на то, чтобы не оказывать никакого содействия немецкому изданию и даже, если возможно, воспрепятствовать ему. Наконец я обратился к живущему в Женеве моему дорогому старому другу Иоганну-Филиппу Беккеру с просьбой помочь моей рукописи путем личного вмешательства. Основательны ли были мои подозрения и успешно ли было посредничество Беккера, показывает следующее письмо Серно-Соловьевича, оригинал которого написан по-немецки, но латинскими буквами:

Женева, 17 января 1868 г. Делис 41, дом Николь

Милостивый государь.

Простите мне великодушно мое долгое и для вас совершенно непонятное молчание, хотя я действительно не знаю, как я могу оправдаться перед вами. Я мог бы привести вам в качестве причины, что я сам был три недели болен, что умер один из моих друзей и его болезнь отняла у меня много времени 6, наконец, что я должен был закончить совершенно неотложную работу 7, но всё это были бы не настоящие основания моего молчания.

В декабре прошлого года я узнал, что Герцен намерен с нового года основать социалистическую газету на французском языке. И вот я спросил себя: целесообразно ли теперь, когда вопрос о социализме вновь решительно выдвигается на передний план, обнаруживать личные расхождения перед врагами социализма, перед всеми этими лавочниками, этими «Женевскими газетами». Ибо, милостивый государь, Герцена я только вышучиваю и высмеиваю; а тех, кого представляет «Женевская газета», я ненавижу телом и душой. Я охотно готов признать, что это мнение было ошибочным, потому что послабления (Ablassungen*) никогда не приводили ни к чему хорошему. Я только спрашивал еще себя, не лучше ли

^{*} Смысл слова «Ablassungen» мне неясен. Я думаю, что Серно-Соловьевич хотел сказать «отказ» («Lossagung») или, может быть, «смена убеждений» («Meinungswechsel»). Очевидно, он имел в виду какое-то русское слово, с трудом поддающееся передаче понемецки. Мне не хочется думать, что он с намерением затемнил смысл этой фразы. — Прим. С.-Л. В. (Может быть, он хотел сказать «Abblassungen» — от abblassen, verblassen — то есть «смягчения». — Прим. наборщика).

было бы не выносить сора из избы (die schmutzige Wäsche in der Familie zu waschen*). Что представляем собою мы, другие русские? В появившемся пробном номере «La Cloche»** снова повторяются прежние вздохи и глупости. Но первый номер еще не вышел. Я все ждал его, как и выяснения позиций Герцена по отношению к европейской прессе, чтобы, судя по обстоятельствам, отослать вам только перевод или присоединить к нему также просьбу не публиковать его. Тут получил я запрос от г. Беккера. Дальнейшая задержка стала невозможной и, сверх того, излишней.

Я посылаю вам первую часть с извинениями за внесенные поправки и надеюсь, что вы не истолкуете это дурно; обещаю вам остальное (как и приложение) прислать в конце этого месяца.

Примите, сударь, мое глубокое почтение.

Преданный вам

А. Серно-Соловьевич

Р. S. Вы мне как-то писали о Бакунине, так что вам, быть может, будет интересно знать сказанное им, что «за брошюру меня следует отколотить палкой».

Непонятные немецкой публике места г. Серно-Соловьевич объясния в своих ответах на мои вопросы. Я включил их в «примечания». К самому переводу с точки зрения филологической он ничего не добавил. То, что он не мог быть мне полезен в отношении стилистики, достаточно явствует из приведенного выше его немецкого письма. Обещанное «приложение» я, к сожалению, так и не получил.

Перевод и прозы и стихов выполнен мною.

Александр Серно-Соловьевич был эмигрантом с 1863 г. В то самое время, когда в 1865 г. Чернышевский по приговору сената был осужден на двадцатилетнюю каторгу и последующую пожизненную ссылку⁸, а брат Серно-Соловьевича Николай был отправлен на вечное поселение в Сибирь, он сам іп contumatiam*** был лишен имущества и гражданских прав. В эмиграции он (Александр) вынужден был бороться с суровыми условиями жизни и, в конце концов, в 1869 г., в тридцатилетнем возрасте, стал жертвой нервного расстройства. Он боялся сойти с ума и думал спасти себя от такого несчастья самоубийством. В полученном его друзьями после его смерти письме, которое лежит передо мною во французском переводе, он сам говорит об этом тяжелом решении:

«Если б я мог думать, что у вас достанет мужества выслушать спокойно мое прощальное слово, я, конечно, мог бы убедить вас в необходимости для меня расстаться с жизнью. Я люблю жизнь и людей и покидаю их с сожалением. Но смерть — это еще не самое большое зло. Намного страшнее смерти быть живым мертведом».

Товарищем Серно-Соловьевича по ссылке был Кельсиев-Желудков, вскоре перешедший на сторону русского правительства, которое произвело его в «советники» и для которого он в качестве «агента» использовал свои знания и опыт, полученные за границей. Письмо, об опубликовании которого так настоятельно просил меня г. Серно-Соловьевич, звучит так****:

^{*} Вся последняя фраза зачеркнута, но не настолько, чтобы ее нельзя было прочесть.— $Прим. \ C.-J. \ B.$

^{** «}Колокола» (франц.).

^{***} заочно (лат.).

**** Оригинал письма, приведенного Боркгеймом,— на немецком языке.— Ред.

письмо г. КЕЛЬСИЕВУ-ЖЕЛУДКОВУ

⟨Женева. Сентябрь 1867 г.⟩

Милостивый государь!

В одном из августовских номеров «Петербургская газета» оказала мне честь, заговорив о моей русской брошюре, появившейся в Берлине, и при этом оскорбив меня. Мне нечего, абсолютно нечего возразить на такие дерзкие, избитые, пустые фразы. Я понимаю и знаю ученых профессоров полицейского права; это всецело в их компетенции, это их ремесло, их заработок,— пусть они с божьей помощью живут им.

Но вы, милостивый государь, без сомнения, очень хорошо знаете, что касающиеся меня глубокомысленные соображения почтенной редакции внушены вашим «раскаянием», вашей «исповедью», вашими «блестящими статьями», вашим «талантом», вашим «возвращением» в Россию с «покорным сердцем», короче говоря, вашим добровольным превращением из свободного человека в царского холопа. Пусть сравнят благочестивые похвалы, которыми одаряет вас русская пресса, с сообщениями иностранных газет о золоте, которым наполнились ваши карманы при достижении границы, и тогда не останется никаких сомнений в том, что вы такое и на что вы годитесь, господин Кельсиев-Желудков.

Об этих крайне интересных фактах молчат ваши бывшие друзья, господа редакторы «Колокола», которые в течение нескольких лет жили вместе с вами в Лондоне и нашли в вашем лице пресловутого царского социалиста. Впрочем я забываю, что редакторы «Колокола» с некоторого времени предались мирным занятиям; они отдыхают от своих длительных вздохов и «утирают покрытые потом лбы».

Но бывают отношения, которые дают право тем, кого они касаются, гребовать с своей стороны ответных объяснений. Так сложились наши отношения, и думаю, что я имею все основания потребовать от вас, чтобы вы объяснили ваше превращение.

Скажите же нам: чем вы были вчера? Чем вы являетесь сегодня?

Продали ли вы просто вашу совесть за золото? Или вы стали приверженцем пресловутой теории царских социалистов? Или, наконец, вы принадлежите к тем несчастным созданиям, которые не представляют себе заранее последствий эмиграции и о которых можно только пожалеть?

Объясните, сударь, чем вы были зимой 1863 г., когда вы явились к нам, чтобы найти убежище, и благодаря нашей помощи смогли беспрепятственно покинуть Россию? Убстория, которая, как вы это хорошо знаете, окончилась смертью для моего брата, отправленного по этапу в Сибирь, каторжным приговором для меня и потерей нашего имущества.

Чем вы были, когда мы бродили у прусской границы и пытались пере-

править в Россию лондонские издания?

Чем вы были, когда вы вместе с г. Герценом писали нам письма, полные поздравлений?.. Я имею в виду ту несчастную историю Ветошникова, когда из-за вашей недопустимой небрежности погибло столько людей 10.

И когда содержание вас поглощало общие деньги и лишало куска хле-

ба других русских ссыльных?

И когда я однажды потребовал от вас объяснений относительно письма, написанного вашей рукой, перехваченного правительством и послужившего причиной ареста моего брата, вспомните, что вы мне ответили? «Вы эмигрант!!! Я не могу сейчас объяснить вам все эти обстоятельства, потому что у меня лихорадка и одному богу известно, что со мной происходит; да, вы стали эмигрантом — при одном этом слове у меня сжимается сердце. Да, я погубил вас и вашего брата! Мой друг, — позвольте мне называть вас этим именем, — если бы я мог в жизни хоть что-нибудь сделать для вас! Требуйте от меня чего хотите, я готов для вас пожерт-

вовать собою. Но я знаю вас; я знаю, что вы подчиняете ваши личные выгоды общим интересам. Наш час скоро пробьет; и теперь не время поддаваться личной скорби; надо попытаться использовать обстоятельства; соединим наши усилия. Рассеемся, чтобы охватить Россию мощной цепью и в братском труде направить все наши удары против пошатнувшегося правительства. До скорого свидания. У меня нет больше сил писать. Обнимаю вас от всего сердца. Лондон, Завгуста 1863 г. В. Кельсиев» (совершенно то же фразерство, что и у Герцена)... Я бережно сохранил это письмо... Или лихорадка вас еще не оставила?

Итак, объясните нам, милостивый государь, ваше прошедшее, ваше настоящее и... ваше будущее. Страницы «Петербургской газеты», несомненно, будут с радостью предоставлены вашему испытанному таланту

и вашей раскаявшейся совести.

И, наконец, в заключение еще один вопрос: хорошо ли рассчитали вы ваше покаяние? Хорошо ли вы учли доверие, которым награждают предателей?.. Что бы там ни говорили господа Корши, Кавелины, неизвестные 11 и иже с ними — все эти господа, которые не могут понять, что нищета в свободной стране лучше, чем все их посты в помойной яме.

А. Серно-Соловьевич

Женева, сентябрь 1867 г.

Я надеюсь, что перевод брошюры не всеми читателями будет сочтен за бесполезную работу. Я знаю, что ура-патриоты приходят в ярость, когда рассматривают под увеличительным стеклом жалкие, прогнившие, запутанные дела русских «заклятых друзей» Гогенцоллернов.

Лондон, апрель 1871.

СОЧИНЕНІЯ

Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

TOMBI

НАУЧНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

1553 1558

«СОЧИНЕНИЯ Н. ЧЕРНЫШЕВ-СКОГО». ВЕВЭ, 1868. ИЗДАНИЕ, ОСУЩЕСТВЛЕННОЕ ПО ИНИ-ЦИАТИВЕ И ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ А.А. СЕРНО-СОЛОВЬЕ-ВИЧА

Титульный лист первого тома Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва B BENDA, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1868

¹ Судя по тем данным, которые сообщает Боркгейм об этом докторе философии, имеется в виду Владимир Оттомарович Баранов, корреспондент Маркса. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 160—162, а также «Переписку К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 58—59.
 ² Б. Бенда — поляк, эмигрант, владелец книжного магазина и издательства

в Вевэ.

³ О женевском издании сочинений Чернышевского см. в предисловии к письму Огарева к Н. Я. Николадзе («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 160).

4 Было ли осуществлено издание «Что делать?» на немецком языке в переводе

А. Серно-Соловьевича— установить не удалось.

⁵ Иоганн-Филипп Веккер (1809—1886)— немецкий революционер, участник революции 1848 г., эмигрировавший после подавления ее в Швейцарию. В 1860-х го-

дах Беккер являлся одним из организаторов швейцарских секций Интернационала.
⁶ Возможно, что речь идет здесь о В. И. Касаткине, умершем 10 декабря 1867 г. Другом Серно-Соловьевича он не был, — наоборот, отношения их отличались, особенно в последнее время, нескрываемой враждебностью. Это не исключает того, что хлопоты во время болезни и после смерти Касаткина могли отнять у Серно-Соловьевича, как и у других женевских эмигрантов, много времени.

Вероятно, Серно-Соловьевич имел в виду какую-нибудь переводную работу, выполнявшуюся им для «Записок для чтения», издававшихся в Петербурге К. В. Трубниковым. Ради заработка он в 1866—1868 гг. перевел для этого журнала несколько

иностранных романов.

^{8 *}Боркгейм допускает неточности: Серно-Соловьевич сделался эмигрантом в 1862, а не в 1863 г. Чернышевский был осужден в 1864, а не в 1865 г. и притом на четырнадцать лет каторги, а не на двадцать. При утверждении приговора Сената срок каторги был сокращен до семи лет.

9 Серно-Соловьевич ошибся: Кельсиев приезжал в Россию в марте 1862 г.

10 Павел Александрович *Ветошников* — знакомый В. И. Кельсиева, был арестован в начале июля 1862 г. при возвращении из-за границы. При этом у него были отобраны письма, врученные ему эмигрантами, не соблюдавшими необходимой конспирации (см. об этом в «Былом и думах», ч. VI, гл. X). Арест Ветошникова явился последствием доноса заграничных агентов ИИ Отделения о принятом им от эмигрантов поручении (об аресте Ветошникова см. «Г. Г. Перетц — агент III Отделения»). аресте Ветошникова см. выше сообщение Н. Г. Розенблюма

11 В немецком тексте стоит слово «Unbekannte». Возможно, что Серно-Соловьевич употребил здесь в нарицательном значении псевдоним А. С. Суворина «Незна-

комец».

4. НЕКРОЛОГ А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ В ЖУРНАЛЕ «НАРОДНОЕ ДЕЛО»

Публикуемый ниже некролог был напечатан в № 7-10 журнала «Народное дело» 1869 г. Журнал издавался в Женеве группою русских эмигрантов, организовавших в следующем году русскую секцию Интернационала и поддерживавших Маркса и руководимый им Генеральный совет в их борьбе против тактики Бакунина и его последователей, дезорганизовавших рабочее движение. Как и все статьи, публиковавшиеся в этом журнале, некролог был напечатан анонимно. Тем не менее, установить, кто является его автором, не представляет труда.

Из самого некролога явствует, что он написан тем же лицом, что и статья «Пропаганда и организация», помещенная в № 2-3 «Народного дела» 1868 г. Обе эти статьи свидетельствуют о прекрасной осведомленности их автора в вопросах революционного движения в России начала шестидесятых годов. Среди участников группы, издававшей «Народное дело», таким осведомленным человеком являлся только Н. И. Утин, один из руководителей студенческого движения 1861 г. в Петербурге и член Центрального комитета «Земли и воли». Это придает некрологу Серно-Соловьевичу особый интерес и значение: он представляет ценность не только для биографии одного из наиболее выдающихся деятелей революционного движения шестидесятых годов, но и для истории всего этого движения в целом. Некролог Серно-Соловьевичу является документом, с которым необходимо, прежде всего, считаться при решении вопроса о времени возникновения центра, объединившего разрозненные ранее революционные кружки и организации. Автор некролога указывает, что соответствующая работа началась с осени 1861 г., когда стала несомненной необходимость «правильного группирования революционных элементов, правильного организования, одним словом, того, что называется тайным обществом...»

Ценный материал дает некролог и для характеристики взаимоотношений между «старой» и «молодой эмиграцией». Автор ясно и отчетливо формулирует вопросы. в решении которых Герцен и Огарев разошлись со своими молодыми товарищами по эмиграции. В некрологе нет упоминаний ни о Герцене, ни об Огареве, но, тем не менее, он полемически заострен против них. Когда автор некролога с негодованием отвергает упрек «старого поколения» молодому в отсутствии «исторической благодарности», он несомненно имеет в виду Герцена. Когда он иронически отзывается о «ригорах и поэтах», что «звонили о благодушии царя победителя и освободителя», он тоже явно намекает на две статьи Герцена: ту, в которой Герцен, отзываясь на опубликование царских рескриптов в 1857 г., положивших начало подготовительной работе по отмене крепостного права, приветствовал Александра II словами: «Ты победил, Галилеянин!», и ту, которой Герцен отозвался на манифест 19 февраля 1861 г., назвав царя «Освободителем». Когда автор некролога говорит о людях, видевших в Н. А. Серно-Соловьевиче «нового маркиза Позу», он имеет в виду статью Герцена «Иркутск и Петербург» (XVIII, 375). Его же он имеет в виду, когда говорит, что попытка «мололой эмиграпии» объединиться со «старой» для помощи пропаганцистам в России рушилась отчасти вследствие «неумения или нежелания старой эмиграции соединить вокруг себя молодую». Про Герцена же идет речь и там, где автор некролога говорит о «глубоком сочувствии» Серно-Соловьевича Каракозову, вследствие которого он счел необходимым выступить против людей, отозвавшихся о Каракозове, как о «фанатике» и «сумасшедшем». Герцена же и Огарева имел он в виду, когда говорил о протесте Серно-Соловьевича «против некоторых предложений "Колокола" правительственному сопиализму в Литве» (см. выше во вступительной заметке к публикации «Протеста» Серно-Соловьевича). О статье Герцена «Порядок торжествует», вызвавшей брошюру Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», автор говорит, выражая негодование против «объяснений старой эмиграции о дополнительном значении Чернышевского». Наконец, о Герцене же и главах из «Былого и дум», посвященных В. А. Энгельсону и Н. И. Сазонову, идет речь, когда автор некролога протестует против людей, публиковавших «никому не нужные и чуждые всякому делу семейные подробности об отношениях мужа и жены, о займах денег, о попойках». Из письма Серно-Соловьевича к Боркгейму, приведенного в предисловии к немецкому изданию брошюры Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» (см. выше), видно, как он был возмущен этими главами «Былого и дум».

Таким образом, некролог ясно указывает нам на те пункты расхождений, которые существовали между издателями «Колокола» и «молодой эмиграцией», в частности А. А. Серно-Соловьевичем.

Подробности об авторе некролога — Н. И. Утине — см. в нашем предисловии к публикации его писем Герцену и Огареву («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 607—625).

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Братья, что ж молчит в вас злоба, Что любовь молчит?..

(Михайлов. На смерть Добролюбова)

4/16 августа Александр Александрович Серно-Соловьевич кончил свою жизнь самоубийством в Женеве.

Еще новая жертва той безотрадной русской жизни, пред мраком и низостью которой не устоял молодой мозг горячего борца за народную свободу; жертва того кровожадного гонения, с которым так называемые образованное общество и русское правительство набросились в 60-х годах на свежие и бодрые силы молодого поколения.

⁴⁶ Литературное наследство, т. 67

Эта могила А. Серно-Соловьевича еще более расширяет тот глубокий ров, который лежит между тем, кто остается ответственным за реакционные гонения, и между тем, кто остается верен своему однажды поднятому знамени; эта могила связывает чрез все громадное пространство сибирские рудники с заграничным изгнанием, наших сибирских братьев с нами. Здесь труп одного брата рассказывает нам ту историю, про которую в сибирских сугробах говорит труп другого брата. Честные и энергичные, преданные и бескорыстные, гонимые, но непокорившиеся, оба брата — Николай и Александр Серно-Соловьевич одинаково оставляют по себе в русской революционной истории благодарную память. Да, мы, которых старое поколение упрекает в отсутствии какой-то исторической благодарности, — мы говорим о любви и о признательности, с которыми и бывшее, современное братьям поколение, и нынешнее молодое поколение всегда отнесутся к памяти обоих, потому что они заслужили ее своим искренним служением делу народной свободы.

Политическая жизнь того и другого брата заключала в себе много поучительного, могущего служить столько же строгим уроком новому поколению, сколько суровым упреком старому.

В то время, когда в чаду либерализма, в упоении трескучими фразами и сентиментальными фигурами, в шаловливых мечтаниях чуть ли не о российской республике с новым царем под счастливой звездой, в то время, когда риторы и поэты звонили о благодушии царя — победителя и освободителя, — молодой Николай Серно-Соловьевич, только что вступавший на общественную арену, решался тоже прямо обратиться к Александру II. Соловьевич остановил Александра II в Царскосельском саду и протянул ему записку, которую тот принял, видя смелую настойчивость Соловьевича. В этой записке Николай Серно-Соловьевич указывал царю на бедствия страны и говорил о потребных реформах, об уничтожении крепостничества. Прочел ли царь записку и, если прочел, то понял ли он ее, — это неизвестно; но известно то, что он велел одному из своих приятелей, Орлову или Долгорукову, поцеловать юношу 1.

Этот поступок был совершен Николаем Соловьевичем под понятным влиянием Кавелина и его прежних друзей; таким указанием мы вовсе не думаем обвинять сих людей за подобное упование на ум и сердце царя; напротив, по всему складу своей мысли и по своему отношению к верхним и нижним слоям русской империи, они были совершенно последовательны в своих упованиях (чего далеко нельзя сказать о всех других отношениях их), и поэтому мы только констатируем факт. Этот факт объяснит нам, почему в то время, как одни восхищались поступком Соловьевича и побуждали его идти далее по начатому пути, предвидя в нем нового маркиза Позу — другие, суровые скептики, указывали ему на иной путь, на путь борьбы, а не союза с царизмом, и пророчили ему беду от иудиного поцелуя.

Среди колебаний между двумя направлениями, делившими тогда между собою, — хоть и не довольно ясно для поверхностных глаз публики, — радикальную и либеральную партии, Серно-Соловьевич отправился за границу вместе с своим братом Александром. Рассказ об их сношениях за границею повел бы нас слишком далеко и вывел бы за пределы этого короткого напоминания о жизни двух честных, энергических революционных деятелей. Достаточно будет напомнить читателю о выпуске Соловьевичем в Берлине брошюры о крестьянском освобождении* 2, в ко-

^{*} Одна из книжек «Голоса из России» принадлежит также Н. Серно-Соловьевичу; он говорил в ней о способах крестьянского освобождения и между прочим предлагал продажу североамериканских русских владений Соединенным Штатам, с назначением вырученной суммы на увеличение капитала для государственного раздела между помещиками и крестьянами³. Царь-освободитель, в своем патриотизме, конечно, не принял тогда сей меры и предпочел позже спустить владения за бесценок для приобретения кораблей, о дальнейшей участи которых мы, однако, не слыхали.

торой он уже изобличал прямо правительство и под которой счел нужным подписать свое полное имя, желая очевидно указать этим и правительству и царю, что серьезные и трезвые люди могли ошибаться одну минуту в юности, но не могли не убедиться скоро в негодности и предательстве

Годъ первый

NºNº 7, 8, 9, 10.

Ноябрь, 1869.

НАРОДНОЕ ДЪЛО

LA CAUSE DU PEUPLE

Цана: I фр. 25 сант.

Prix: 1 fc. 25 cent

Libraire-dépositaire Mr. H. Georg à Genève et à Bâle.

S'adresser pour tout ce qui concerne la Rédaction et l'Administration à l'imprimerie de la Cause du Propue, à M. A. Troussoff, Monthrillant, S, à Genève.

СОДЕРЖАНІЕ: Симрть Ал. Ах. Серно-Соловання — Соргановною выражение Сондальной Революци на Залать. (Валенасцій Конгресь Интернаціональной Ассоціаци Рабочик, Ст. 1-ам). — Рессию с соціацію травозні примен альо в вто постопісном с Залавник рабочик виження. — Разміцатені о гособісном обрадованном опідства, (Пасью вы Редакцію). — Очетва Галаванс Совета Интеграциональной Ассоціація. — По помог иго кланасти. Загрось А. Герции, Н. Отартам в М. Бакскому — Сочинскія Н. Г. Чершинаскаго. — Денежные ваносы.

Александръ Александровичъ Серно-Соловьевичъ.

Братья, чтожь модчить нь вась заоба,

4.16 Августа Александръ Александровичъ Серно-Соловъевичъ кончилъ свою жизнь самоубійствомъ въ Женевъ.

Еще нован жертва той безотрадной русской жизни, предъ мракомъ и низостью которой не устояль молодой мозгь горячаго борца за народную свободу; жертва того провожаднаго гоненія, съ которымь такь-называемыя образованное общество и русское правительство пабросились въ 60-хъ го-

дахъ на свъжія и бодрыя сили молодаго покольнія.

Эта могила А. С.-Соловьенича еще бол ве расшириеть тотъ глубовій ровь, который лежить между тамъ, кто остается отватственнымь за реакціонныя гоненія и между тімъ, кто остается вірень своему однажды поднятому зна-мени ; эта могила связываеть чрезь все громадное пространство Сибирскіе мени; эта могила свизиваеть чрезь нее громадное пространство Сибирскіе рудини съ загранчинымъ изгнаніемъ, нашихъ Сибирскихъ братьевъ съ на-ми. Здѣсь трунь одного брата разсказиваеть намъ ту исторію, про кето-рую въ Сибирскихъ сугробахъ говоритъ трупъ другого брата. — Честине и энертичные, предвиние и безкористные, гониме, но непокорившіся, оба брата, Ниволай и Александръ Серно-Соловьевичь одинаково оставляють по себѣ въ русской революціонной исторіи блягодарную память. Да, ми, которихъ старое покольніе упреваеть въ отсутствіи какой-то истноричес-кой благодарности. — ми говориять о любин и о признательности, съ кото-рими и бившее, современное братьямъ покольніе, и инибимее молодое по-кольніе всегда отнесутся иъ намяти обоихъ, потому что они заслужеми ее своинъ искренниять служеніемъ дѣлу народной свободи.

НЕКРОЛОГ А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ В ЖУРНАЛЕ «НАРОДНОЕ ДЕЛО». ЖЕНЕВА, НОЯБРЬ 1869 г., № 7-10

Напечатан без подписи. Автор некролога Н. И. Утин

Страница первая

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

правительства. Действительно, возвратившись из-за границы, оба брата, Николай и Александр, который, между прочим, имел значительное влияние на старшего брата и который звал его на прямое дело, оба они стали в передовые ряды революционных организаторов, время для которых наступило с лета 1861 г., с появления «Великоросса». С этого времени Николай и Александр Серно-Соловьевич ни минуты не покидают революционного дела. Во время осенней студентской истории в Петербурге, когда

четыреста человек брошено было в Кронштадтскую и Петропавловскую крепость и когда Шуваловы, Паткули, Игнатьевы и Панины норовили сдать студентскую молодежь в солдаты, арестантские роты, на Кавказ и в Сибирь,— общественная агитация заставила отцов отечества остепениться и задержать свою жажду крови. Общее недовольство и ропот, на которое в то время еще обращал внимание царь,— потому что дорожил общественным мнением в Европе и потому что тогда ропот даже образованного общества имел известное значение, ибо общество было тогда, действительно, сильнее и единодушнее, — заставили царя свеликодушничать и удовольствоваться ссылками и исключениями из университета взамен Сибири. В той агитации оба брата играли значительную роль и готовы были идти до крайних мер, полагая, что при дальнейших насилиях правительства и при поддержке, которую тогда готовы были оказать молодежи некоторые элементы низших слоев, можно будет повести общество на энергическую оппозицию правительственным мерам.

За выпуском студентов из крепости последовало тесное сближение различных кружков; революционное направление обозначилось более ясно и определенно. Круг недовольных, круг готовых мстить правительству за его насилие над народом и над теми, которые видели цель своей жизни в служении народу, за его все более бесцеремонный разбой над обманутым народом и за его покушение на образование и жизнь мозгового пролетариата, круг недовольных быстро умножался и расширялся. Являлась потребность правильного группирования революционных элементов, правильного организования, одним словом, того, что называется тайным обществом...

Но и здесь, в отдельном рассказе о двух личностях того времени, как и в общей истории революционного движения 60-х годов, конечно, надо будет умолчать о многом и о многом: это необходимо в виду нового свободного дела и в виду неудобства даже и теперь разъяснять и помечать те планы, сущность которых вполне применима и теперь. Конечно, такое умолчание значительно уменьшает возможность оценки той или другой светлой, преданной личности того времени; конечно, между прочим и память о двух погибших за дело братьях осветилась бы блеском и почетом в глазах очень многих людей, не посвященных в подробности бывшего дела или гораздо позже вступивших в него, но мы уже говорили (см. «Пропаганда и организация»4), что то было общее «дело, которому личность отдавалась с полною, беспредельною преданностью и бескорыстно скрывалась в общем единодушном стремлении по пути к задуманной цели». Это определение должно быть вполне применено к обоим братьям, и мы смело можем поручиться — и поведение Николая пред инквизиторскими комиссиями 5, и поведение Александра в Интернациональной ассоциации подтверждают наши слова, - что ни тому, ни другому вовсе не нужно было личной, мишурной славы, личного мелкого удовлетворения: молодое поколение 60-х годов не нуждалось и не искало ни того, ни другого; дружное, общее действование не оставляло ни времени, ни охоты заниматься игрою в генералы и главнокомандующие: на всем пространстве России шло объединение подготовительной работы без подозрения друг друга, без препирательств из-за диктатуры того или другого комитета в общей федерации столичных и провинциальных комитетов. Каждый комитет ссужал другой всем, чем только мог, и, в свою очередь. обращался за братской помощью к другим, когда то требовалось. В таком общем настроении и направлении шли и оба брата, и мы не для красного слова на могиле, а по требованию истины, говорим здесь, что оба брата не щадили ни своих средств, ни своей безопасности, ни своего здоровья в служении общему делу.

А между тем и мы можем доставить нашим врагам удовольствие та-

ким признанием, -- между тем немногие из агитаторов и пропагандистов могли в то время похвалиться особенным здоровьем: оно с детства тратилось безобразным, противоестественным воспитанием, оно хоронилось заживо в замкнутых стенах казенно-учебных заведений, оно у большинства, недостаточного, расходовалось в ежедневной изнурительной борьбе с нуждой и голодом, у меньшинства, достаточного или даже богатого, в семейной ежедневной борьбе с предрассудками и претензиями привилегированных, имущественных каст; оно гибло вконец в удушливых сырых склепах Петропавловской крепости и острогов, и многие выносили из заключения кровохарканье и расстройство того или другого органа, расстройство нервной системы. А жизнь окружающая, а правительственный дикий гнет и общественная патологическая деморализация, а народные кровавые страдания «усмирительного периода» не могли не отзываться тяжелыми ударами на организме людей, для которых борьба со всей гнетущею народ системою была не пустою игрой словопрения и не праздным препровождением времени, а насущной задачей всей их жизни, громадною задачею сравнительно с количеством сил, бравшихся за нее и отстаивавших народное дело.

Но в то время люди, конечно, не думали о своем здоровье, и если мы говорим о том положении, то только для того, чтобы объяснить естественным и правдивым путем постигшее позже Александра Соловьевича патологическое состояние. В то время люди жили и работали с усиленной энергией, как бы сознавая, что они опоздали с своей работой и как бы желая нагнать утраченное для организации время пред объявлением фальшивой воли; эти люди надеялись (нас могут упрекать и высмеивать за неосновательность нашей надежды, мы все же говорим, что надеялись, иначе наша усиленная работа тогда не имела бы смысла), что народ быстро дойдет до самосознания и захочет тогда же требовать своей настоящей воли и земли, и что им будет тогда место в рядах народа для помощи общему делу освобождения. И ускоренная, денно и нощно тревожная жизнь этих людей шла среди успехов и неудач, среди одолеваемых препятствий и неожиданных тормозов, среди увеличения числа единомышленников и гибели дорогих борцов...

Погром 62-го года (см. №№ 2 и 3 «Народного дела») в среди многих жертв поглотил в один день Н. Чернышевского и Н. Соловьевича, учителя и ученика!

Бессмысленная поездка болтливого негодяя, ренегата Кельсиева, дала правительству ловкий повод к аресту многих личностей, а бессмысленное рабское потворство общества, угорело бросившегося в реакцию, дало правительству благодушного освободителя возможность морить своих противников целые годы в Алексеевском равелине и потом сослать на каторгу без суда, без фактических доказательств их виновности, с обличением фальшивыми документами.

Противозаконное обвинение Чернышевского и Соловьевича, разбив всякие заблуждения насчет правительства Александра II, указало в то же время на невозможность союза между радикальной партией и лицемерствующим обществом, обнаружив бескорыствую преданность народным интересам и разумное понимание их, с одной стороны, и лишь привязанность к личному пресыщению и раболенное невежество, с другой. Мы уже говорили прежде, что ни мы, ни наши дорогие собратья и учителя не подумали бы жаловаться или негодовать на гонения правительства против революционной партии: преследуя нас, оно остается верным себе; непримиримая борьба с партией свободы обусловливает самую сущность этого правительства. Но мы здесь пользуемся только еще раз случаем, чтоб и юношеству и благородному обществу напомнить тот факт, который свидетельствует, что либеральное и могущественное правительство не

имеет в своих руках иной власти и силы против враждующей с ним партии, как только самое произвольное насилие, что, преследуя врагов своих, оно первое нарушает все законы, им же самим установленные и долженствующие «служить охраной священных интересов жизни и собственности общества». А затем мы предоставляем нашим либеральным столнам отечества уже самим взвесить, насколько умно и логично с их стороны казнить своих противников за противозаконность пропаганды здравых идей, предоставляем им поразмыслить и о результатах такого сопоставления...

Рядом с двумя жертвами должна была погибнуть и третья. Александру Соловьевичу только бегством удалось спастись от равелина и Сибири. Но не удалось ему спастись от тяжелой страдальческой доли.

Защитники мещанской религии, семьи и собственности вопят о революционерах как бы об извергах, не признающих ни естественных чувств, ни дорогих привязанностей. Пусть они вопят себе вволю... их дряблый мозг никогда не поймет, чтоб во имя идеи, во имя любви к делу свободы люди могли отрываться с жгучею, мучительною болью от всех своих привязанностей, ото всего, с чем срослась и переплелась вся личная жизнь! Они никогда не поймут, чтоб слезы матери при аресте по-видимому спокойного, улыбающегося сына могли заставлять этого бездущного сына сдерживать в груди своей целый ад печали и горя и за нее, свою дорогую, свою любимую мать, и за тысячи матерей, подобных ей, и за миллионы матерей в среде народа, у которых ежедневно отнимают их сыновей, если не рекрутчиной, то острогом, если не болезнью, то нуждой! Они никогда не поймут, чтоб у брата, присутствовавшего при казни, при заточенье, при надевании кандалов на брата с спокойным, чуть ли не равнодушным видом, чтоб у него чувство личного мщения и ненависти к врагам-губителям едва сдерживалось внутри самого себя и находило опору своей сдержанности в чувстве более широкого, безличного мщения за всех братьев, закабаленных и закованных во всевозможные цепи. Они никогда не поймут, чтоб, по-видимому, спокойно отрывающийся от жены и ребенка муж и отец могли жестоко страдать от этого насильственного разрыва и все же безропотно и без помысла о пошлом раскаянии по опасному пути пропаганды, находя выход вперед личного страдания и личного горя вмысли о более широком, многомиллионном горе, в мысли о помощи этому горю, об уничтожении этого горя путем уничтожения ненавистных врагов народа. Они никогда не поймут всего этого, несмотря на все известные примеры из истории революции; потому что они довольствуются в своем злостном невежестве только словопрениями. Что же может быть общего между нами и ими?! Оставим их в стороне и сомкнемтесь сами по себе, одни братья, в тесный дружный строй около могилы брата. И то, чего они не поймут, то мы знаем. Мы знаем, что Александр Александрович страстно любил своего брата; мы понимаем поэтому, что каждый день его пребывания за границей (в Англии и потом в Швейцарии), в те два долгие года, когда его брат Николай содержался в Петропавловской крепости, каждый день был отравлен мучительной мыслью обрате, о его жизни, сорванной при начале ее широкого революционного развития. И еще мучительнее становилось положение Александра Серно-Соловьевича вдали, изолированное от места действия, когда вслед за погромом 62-го года уцелевшие и новые борцы не захотели предательски бросить дела, поднятого старшими братьями, и стали сплочивать революционные силы Молодой России, невзирая ни на какие преследования правительства, только более вызывавшие и энергию, и охоту борьбы. Поражение польского восстания рядом с поражением революционной организации в России тем более потрясло Соловьевича, что как в той, так и в другой организации было много товарищей его и многие друзья его, польские и русские, дрались отважно и смело с петербургским императорством в Польше.

Мы не станем затрагивать личной жизни Александра Серно-Соловьевича и не будем говорить ни офигурах, которые решились до конца омрачить его жизнь горем и лишениями, ниотех достойных личностях, которые не оставляли его никогда своей нравственной и, может быть, материальною поддержкою, в то время, когда он не мог сам работать, и которые до последней минуты сохранили к нему свое честное участие и свое дружеское уважение и привязанность. Если б эти личности нуждались в благодарности, то мы, конечно, позволили бы себе от лица Молодой России благодарить их за их отношение к погибшему другу. Мы совершенно умолчим о личной жизни Александра Соловьевича, но мы должны будем упомянуть о том, что в конце 1864 года он принял энергическое участие в стремлении молодой эмиграции создать в Женеве тесный круг, который своей готовностью и положением мог бы служить постоянною помощью нашим друзьям пропагандистам в России. Это стремление рушилось тогда отчасти вследствие разлада молодой эмиграции с старой, вследствие неумения или нежелания старой эмиграции соединить вокруг себя молодую; отчасти вследствие бывшей разнородности и недостатка наличных материальных и авторских сил в самой молодой эмиграции для создания самостоятельного органа. Мы вовсе не считаем нужным скрывать, что вслед за нарушением той мечты начались в эмиграции более, чем когда-либо раздоры и даже интриги, потому что там, где между людьми, близко стоящими друг к другу, нет серьезного, строгого дела, связующего их в один дружный круг, там всегда есть разъединение и разлад. Как бы то ни было, но близким друзьям Александра Соловьевича известно, что его здоровье, слабое и дотоле, пришло в совершенное расстройство, сопряженное с обнаружившеюся тогда мозговою болезнью, именно в начале 1865 года...

Для дальнейшего объяснения одного поступка Соловьевича, на который напустились изящные словесники, мы не считаем более нужным скрывать, что если кто-либо мог иметь наиболее оснований отнестись неприязненно к поводам и побуждениям старой эмиграции в ее разладе с молодой, то это, конечно, был Александр Серно-Соловьевич. Он был за границей вместе с своим братом, он знал все, что происходило между его братом и другими, и теперь, когда он, после гибели брата, сопряженной с многими обстоятельствами, созывал всех на одно общее $\partial e no$ — он услышал не отклик, а бранливую критику сплеча и осуждение всему молодому. Присоедините к этому его глубокое сочувствие Каракозову, его радикальное осуждение иезуитского правительственного социализма в Польше, и вы легко поймете, почему в конце 1866 года, оправившись от болезни, он счел нужным протестовать печатно против некоторых предложений «Колокола» правительственному социализму в Литве, и вы точно так же поймете (даже не знакомясь со всей интимной стороной дела, о которой мы здесь умолчим), почему Соловьевич, быв учеником Чернышевского, стояв с ним в близких отношениях, счел нужным летом 1867 года протестовать против объяснений старой эмиграции о *дополнительном* значении Чернышевского. Мы жалели и жалеем, что Соловьевич примешал к делу тон личной насмешки и пояснения домашнего характера; мы жалеем, между прочим, и потому, что в аргументации, основанной на печатных фактах, у Соловьевича не могло быть недостатка; и, конечно, такая аргументация была бы гораздо сильнее. Тем не менее, брошюра А. Соловьевича имела свое серьезное значение; в ней выразился протест ученика Чернышевского против неверного толкования и сопоставления, в ней сказалось неизменное отношение к Чернышевскому. Во всяком случае упрек ему за домашний оттенок памфлета никак не мог бы идти со

стороны той части заграничной прессы, в которой даже и по смерти некоторых людей,—когда силою природы всякая апелляция, всякое опровержение переставало быть возможным,— решались публиковать никому не нужные и совершенно чуждые всякому делу семейные подробности об отношениях мужа и жены, о займах денег, о попойках!

Раз навсегда решив избегать всяких личностей, мы извиняемся перед читателем за неясность этих строк и за неизбежность, в которую мы поставлены и еще не раз можем быть поставлены, говорить, в свою оче-

редь, о роли и поведении некоторых деятелей.

Одновременно с появлением брошюры «Наши домашние дела» А. Серно-Соловьевич принял деятельное инициативное участие в задуманном издании сочинений Н. Г. Чернышевского, и при его помощи был выпущен роман «Что делать?» 7. На этом кончается прямое участие Соловьевича в русских делах, участие, еще и в последний раз столкнувшееся с нелепым отношением российского общества к изданию сочинений Н. Г. Чернышевского! В то время, когда в России после каракозовского выстрела нечего было и думать об издании сочинений Чернышевского, рьяные публицисты вздумали протестовать против издания чуть ли не в видах нарушения литературной собственности! В У этих протестантов даже не хватило стыда не оскорблять памяти и учения Чернышевского, который, если б мог быть спрошен, конечно, сам поручился бы за то, что никогда никто из эмигрантов не покусится в своих личных видах на его скуднейшие средства и что, конечно, в издании его сочинений руководятся только искренним желанием подвинуть дело пропаганды вперед...

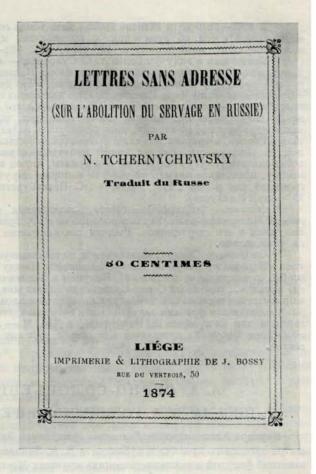
Другая деятельность манила к себе энергическую, неустанную натуру Соловьевича. В той новой деятельности он видел возможность ближайшего осуществления тех новых общечеловеческих начал, в борьбе за которые на родине он положил лучшие годы своей жизни. С жаром, с самоотверженной преданностью ухватился он за работу в Интернациональной ассоциации и всецело посвятил себя ей. Наши единомышленники, работники Интернационала в Женеве знают и, конечно, скажут скоро подробно (в журнале «Эгалите») в той ежедневной серьезной помощи, которую оказывал Соловьевич только что начинавшейся организации Интернационала в Женеве. Он не любил разыгрывать шумную роль, он был враг трескучих фраз из революционной фразеологии, ничего собою не выражающих; он любил в деле- дело, а не свою фигуру. Когда он был нужен на трибуне, он являлся на нее, и не раз общее собрание всех секций звало его в президенты собрания. Но гораздо важнее, чем на трибуне, была его деятельность в кружках рабочих, в личных, ежедневных снощениях с ними: там, где он мог что-либо заимствовать для выяснения основных начал и практического пути действия, там он слушал жадно и являлся учеником; там же, где он мог дать что-либо от своего знания и изучения, которое столь ценят работники, не имеющие достаточно ни времени, ни средств для самостоятельного занятия, там он обращался в искреннего, добросовестного учителя и будил сознание в уснувших или еще не пробужденных, и вселял смелость в робких, и звал к единству разъединенных, и все научились понимать его, все его любили и уважали в Интернационале. Ему принадлежит заслуга в том, что своей бескорыстною преданностью он сделал то, что интернационалы встречают радушно и приветливо своих русских братьев — братьев по одному и тому же делу общего всенародного освобождения, во имя одних и тех же начал новой народной жизни!

Но жестоко ошиблись бы те, которые подумали бы, что Соловьевич стал вместе с тем равнодушен к русскому делу: нет, еще недавно один из его товарищей в Интернационале повторял нам его слова: «Меня мучит, что я не иду в Россию мстить за гибель моего брата и его друзей; но мое единич-

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД «ПИ-СЕМ БЕЗ АДРЕСА» ЧЕРНЫШЕВ-СКОГО. ЛЬЕЖ, 1874

Обложка

Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва

ное мщение было бы недостаточно и бессильно; работая здесь в общем деле, мы отомстим всему этому проклятому порядку, потому что в Интернационале лежит залог уничтожения этого порядка повсюду, повсеместно!» Та же мысль руководила им, когда в последнюю зиму пронесся слух о прекращении «Народного дела» и он обратился к нам с братским увещанием не бросать, а продолжать начатое дело социальной пропаганды в Россип10.

На его могиле обещаем мы крепко и твердо держать снова поднятое знамя до тех пор, пока сохранно передадим его в руки тех борцов, которые придут на смену нам, когда мы отстанем, или окажемся менее пригодными, чем другие, к ведению великого дела пропаганды или же когда мы погибнем в ранней или поздней борьбе за великое дело народного освобождения.

1 Описываемый эпизод относится к сентябрю 1858 г. Н. А. Серно-Соловьевич был вызван не к Долгорукову, а к А. Ф. Орлову, бывшему в то время заместителем председателя Главного комитета по крестьянскому делу.

² Брошюра Н. А. Серно-Соловьевича вышла в 1861 г. в Берлине под названием

«Окончательное решение крестьянского вопроса».

3 Автор некролога имеет в виду «Проект действительного освобождения крестьян», опубликованный в VIII кн. «Голосов из России». Лондон, 1860.

⁴ Статья Н. И. Утина «Пропаганда и организация» в № 2-3 «Народного дела»

1868 г.
5 О поведении Н. А. Серно-Соловьевича на следствии см. в «Лит. наследстве»,

Утин ссылается здесь на свою статью «Пропаганда и организация» (см. прим. 4),

7 В 1867—1870 гг. в Женеве вышло пять томов сочинений Чернышевского, роман «Что делать?» (см. об этом в нашем предвсловии к письму Огарева к Н. Я. Ни-коладзе.— «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 161—162). В Утин имеет в виду фельетон А. С. Суворина— «Недельные очерки и картинки»,

напечатанный под обычным его псевдонимом: Незнакомец. Начало этого фельетона посвящено выходу в свет женевского издания «Что делать?» и предстоящему изданию собрания сочинений Чернышевского. «Кто дал право г. Михаилу Элпидину,— воскли-цает Суворин,— издавать сочинения Чернышевского? <...> Печатая за границей сочинения Чернышевского, он тем самым совершал, во-первых, литературную кражу или контрафакцию, во-вторых, может подорвать издание сочинений означенного писателя в России, в-третьих, ставит в чрезвычайно фальшивое положение и автора, и людей, на обязанности которых лежит попечение о детях Чернышевского... Кому же хотел оказать услугу г. Элпидин? Мы думаем, что он хотел оказать услугу только себе самому, положив в карман те талеры, которые выручит с русских, пребывающих за границей, за роман "Что делать?"» («С.-Петербургские ведомости», 1867, № 208, от июля/11 августа).

9 «Эгалите» («Égalité») — газета, являвшаяся органом романской федерации секций Интернационала. Редактирование ее в это время (1869 г.) находилось в руках Бакунина и его сторонников. Был ли там напечатан некролог Серно-Соловьевичу —

10 Отношение Серно-Соловьевича к издававшемуся Утиным и другими эмигрантами «Народному делу» не вполне выяснено. Между Серно-Соловьевичем и Утиным особой близости не существовало. Бакунин в полемической статье «Интриги г-на Утина» писал: «... покойный Серно-Соловьевич сказал мне, незадолго перед своею смертью в присутствии нескольких женевских интернационалов: "Утин своими отвратительными революционными фразами заставил меня возненавидеть самое слово революция"» («Материалы для биографии М. Бакунина», т. III. М.— Л., 1928, стр. 411). Однако это сообщение Бакунина нуждается в проверке, так как его ненависть к Утину общеизвестна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ в 1865 г.

І. ПИСЬМА В. А. ГОЛИЦЫНОЙ к ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

Варвара Александровна Голицына, рожденная Зайцева, по второму мужу Якоби, сестра известного критика и публициста В. А. Зайцева, была, как и ее брат, довольно заметной фигурой в «нигилистических» кружках Москвы и Петербурга начала шестидесятых годов. Она привлекалась к дознанию по делу московских членов «Земли и воли» (так называемое «дело Андрущенко») и была одной из деятельниц «Общества поощрения женского труда» в Петербурге, в организации которого принимал ближайшее участие П. Л. Лавров.

В. А. Зайцева была дочерью провинциального чиновника, советника казенной палаты в Костроме, человека, не имевшего никакого состояния, но не лишенного некоторой образованности. Он был театралом и печатал в местной прессе стихи и статейки на различные темы. По своим политическим взглядам Зайцев был человеком весьма отсталым и до последней степени преданным престолу.

В семье Зайцевых очень рано обнаружился обычный в те времена конфликт между отдами и детьми. Подвергаясь постоянным преследованиям со стороны отда, угрожавшего донести на «непокорную» дочь в III Отделение, Варвара Александровна вышла замуж фиктивным браком за князя А.С. Голицына, человека, настроенного крайне оппозиционно по отношению к самодержавию и сблизившегося с революционными кругами. Голицын предоставил ей полную свободу, и в середине 1860-х годов она уехала в Швейпарию.

Там она сблизилась с эмигрантскими кругами и стала женой известного психиатра и этнографа П. И. Якоби. Они поселились в Цюрихе. Вместе с А. А. Серно-Соловьевичем они в среде «молодой эмиграции» составляли партию, которая относилась к Герцену наиболее враждебно и настаивала на превращении «Колокола» в общеэмигрантское изпание.

В девяностых годах Зайдева вместе с Якоби возвратилась в Россию.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 78).

ГЕРЦЕНУ

23 июля (1865 г.)

Александр Иванович! Вчера были получены от Соловьевича два письма и телеграмма с дороги¹. Из них видно, что разъезды и беспокойство оказали уже свое действие: ему стало хуже. Поэтому Черкесов поручил мне предупредить вас, чтоб вы написали доктору в Брестенберг — не давать Соловьевичу ни под каким предлогом денег, иначе он, вероятно, убежит, и вам придется разыскивать его по Германии.

До свидания.

В. Голицына

Эти письма и телеграмма Серно-Соловьевича неизвестны.

ОГАРЕВУ

⟨16 сентября 1865 г.⟩

Почтенный Николай Платонович!

Так как я узнала, что Александр Иванович находится в отсутствии 1, то обращаюсь к вам по следующему делу: посылаю вам два письма ко мне от Серно-Соловьевича². Прочитав первое из них, вы увидите, что по делу, заключающемуся во втором, мне надо обратиться к вам. Посылаю вам также депешу, которую я получила нынче и смысл которой будет вам понятен после прилагаемых писем.

Так как после письма Серно-Соловьевича, с мотивированным отказом жить с нами в Берне³, я считаю, что все дела касаются всего ближе вас, то предоставляю вам поступить с этим, как найдете нужным, и попрошу вас только написать мне с посылаемым кормораном, что вы намерены сделать по делу последнего письма и депеши Серно-Соловьевича 4.

Готовая к услугам

В. Голицына

16 сентября 1865 г.

1 Герцен в этот день уехал в Вевэ.
 2 Эти письма Серно-Соловьевича неизвестны.
 3 См. ниже прим. 1 к письму Серно-Соловьевича к Н. А. Тучковой-Огаревой от
 28 августа 1865 г. (стр. 737).
 4 В переписке Огарева за этот период нет откликов на получение этого письма

Голицыной.

II. ПИСЬМА А. А. ЧЕРКЕСОВА к А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ и ГЕРЦЕНУ (?)

Александр Александрович Черкесов (1839—1908) — товарищ А. А. Серно-Соловьевича по лицею и близкий друг, уехавший вместе с ним в 1862 г. за границу и проживший там до августа 1865 г. Возвратившись в Россию, он был арестован, но по постановлению Сената освобожден от ответственности с полчинением надзору летербургской полиции. Черкесов владел книжными магазинами в Петербурге и Москве. В 1868г., освобожденный из-под надзора, Черкесов ездил за границу, где встречался с эмигрантами. В начале зимы 1869—1870 гг. он был арестован в связи с нечаевским делом, но по недоказанности обвинения от ответственности снова освобожден. Позднее Черкесов был адвокатом и мировым судьей.

Первое из печатаемых ниже писем Черкесова адресовано А. А. Серно-Соловьевичу.

Адресат второго письма предположительно устанавливается тем, что письмо обнаружено в архиве Герцена, а также указанием на то, что адресат проявил большой интерес к судьбе больного Серно-Соловьевича и имел намерение съездить в Рагац. По-видимому, это был Герцен, который, выехав 6 или 7 августа 1865 г. из Женевы в небольшую экскурсию по Швейцарии, 14 августа посетил Рагац. Это позволяет датировать настоящее письмо Черкесова концом июля или началом августа 1865 г.

Письма публикуются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 214 и 119).

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

Женева. 30 июля (1865 г.)¹

Сегодняшняя телеграмма твоя напомнила мне, что мне действительно давно бы следовало быть у тебя. Нечего говорить, как мне неприятно, что безденежье до сих пор мешает этому. Без денегже ехать к тебе и неудобно относительно Эрисмана², и невозможно, потому что с десятью франками, составляющими мою наличность, до Брестенберга не доедешь. Остальные все, по обыкновению, без денег.

Желание твое ехать в Рагац с Фенюшкой з представляет также невозможности. Ехать тебе туда одному — немыслимо. Ты там скорее, чем где-нибудь, соскучишься. Фенюшке же оставить теперь пансион невозможно. У нее хлопот по горло, и без нее ничего не пойдет.

Затем я должен тебе сообщить заключения, к которым пришел в последнее время относительно моего вмешательства в твои дела.

Я твердо убежден, что для твоего здоровья важнее всего уход такой, какой ты можещь найти только в maison de santé*. Поэтому я не могу действовать против этого убеждения, и, вследствие того, ограничиваю свою личную инициативу относительно тебя следующими пунктами:

1) Пока я не уехал, я могу взяться перевести тебя только в maison

de santé, более никуда.

2) Я буду помогать тебе деньгами по мере надобности, где бы ты ни жил, исключая Женевы.

3) В Женеве я решительно отказываюсь помогать тебе, потому что Женева для тебя хуже яда. Ты сам это признавал, и я вынужден на эту меру, чтобы гарантировать невозможность твоего поселения в Женеве.

Вот главные условия, которыми я окончательно определяю характер отношений моих к тебе и степень участия моего в твоих делах. Не сердись на меня за это; иначе действовать было бы противно моим убеждениям, моей совести.

Я особенно настаиваю на Женеве. Давно ли ты сам требовал, чтобы согласились на условие: как только ты приедешь в Женеву, свезти тебя в maison de santé?

Я каждый день жду денег из Праги и Петербурга. Как только получу их, заеду к тебе и потом уже двинусь прямо в Россию.

До свидания Твой Чрксв

- 1 Настоящее письмо написано Черкесовым в 1865 г., незадолго до отъезда его в Россию, и послано в Брестенберг, где в то время находился на излечении Серно-
- Федор Федорович Эрисман (1842—1915) известный врач-гигиенист, уроженец. Швейпарии, в 1869 г. переселившийся в Россию.

^{*} лечебнице (франц.).

³ Фенюшка — крепостная родителей Л. П. Шелгуновой; после замужества Л. П. Шелгуновой перешла на службу к Шелгуновым и сопровождала их в Сибирь, когда они ездили на свидание с М. И. Михайловым. Уезжая за границу, Л. П. Шелгунова взяла ее с собой. Там она работала в пансионах, содержавшихся Шелгуновой в Цюрихе и Женеве. Позднее она была няней в семье Черкесовых. По свидетельству О. К. Булановой-Трубниковой, Фенюшка была «очень развитая женщина, пользовалась полным доверием как у Шелгуновых, так и у Черкесовых, где считалась членом семьи» («Звенья», V, 1935, стр. 389).

9

ГЕРЦЕНУ (?)

⟨Женева. Конец июля — начало августа 1865 г.>¹

Серно-Соловьевич бомбардирует меня требованиями перевезти его в Рагац. Прилагаю последнее письмо его ². Мне очень досадно, что не могу до сих пор ехать к нему. Каждый день жду денег, чтобы свезти ему и ехать восвояси.

На все требования его я категорически отвечаю: 1) что я считаю возможным принять на себя одно только перемещение его в maison de santé, как единственное полезное, и 2) что, кроме этого перемещения и выдачи ему денег, я более ничего взять на себя не могу.

Вы хотели ехать в Рагац и хотели также заехать к Серно-Соловьевичу. Не хотите ли попробовать съездить с ним в Рагац, чтобы поближе присмотреться к нему и там поручить его доктору, которого он знает? Я не прошу об этом, потому что убежден заранее, что он в Рагаце недели не проживет, но предлагаю вам сделать еще этот опыт, чтобы узнать поближе состояние больного.

Ваш Чрксв

- 1 О предположительной датировке этого письма см. в предисловии к настоящей публикации.
 - 2 Это письмо не сохранилось.

III. ПИСЬМА А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА к Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Печатаемые ниже четыре письма А. А. Серно-Соловьевича написаны им на бумаге с оттиснутым адресом водолечебницы Брестенберг в Аарау (Швейцария), куда автор писем был помещен друзьями в двадцатых числах июля 1865 г. (как это выясняется из печатаемого выше письма В. А. Голицыной к Герцену от 23 июля 1865 г.). Точная датировка первых двух писем крайне затруднительна: по всей вероятности, они написаны ранее третьего и четвертого, то есть в конце июля или в августе 1865 г.

Письма эти представляют значительный интерес, так как знакомят нас с взаимоотношениями Серно-Соловьевича с издателями «Колокола».

В своих «Воспоминаниях» Н. А. Тучкова-Огарева с большой симпатией говорит о А. А. Серно-Соловьевиче. Описывая его первый приезд в Лондон и начало знакомства с Герценом, состоявшиеся, как это видно из письма Герцена к сыну от 10 марта 1860 г. (X, 233), в 1859 г., она сообщает:

«Он очень понравился Герцену; видно было, что, несмотря на свою молодость, он уже много читал и думал; он был умен и интересовался всеми серьезными вопросами того времени (...) Он был очень мил и внимателен с детьми». К этому Тучкова-Огарева добавляет, что к издателям «Колокола» Серно-Соловьевич относился тогда «с большой теплотой и уважением». Что касается дальнейших взаимоотношений Серно-Соловьевича с Герценом и Огаревым, то автор «Воспоминаний» почти не касается их, объясняя выступления его против издателей «Колокола» «дремавшими ранее» его «дурными качествами», «самолюбием и завистью» и игнорируя идейные расхождения,

существовавшие между ними. В то же время она подчеркивает, что в отношении к Серно-Соловьевичу Герцена резко проявлялись «присущие ему чувства великодушия, доброты и жалости, доходившие до невероятной степени» (Н. А. Т у ч к о в а - О г а-р е в а. Воспоминания. Л., 1929, стр. 251).

В другом месте воспоминаний Тучкова-Огарева останавливается на взаимоотношениях Серно-Соловьевича и Л. П. Шелгуновой и на его исихическом заболевании. Эта часть ее воспоминаний изобилует явными неточностями и враждебными выпадами против представителей «молодой эмиграции». В частности, она путает события, относящиеся к первому заболеванию Серно-Соловьевича (в 1865 г.), с эпизодами предсмертной его болезни. Такая обычная в ее воспоминаниях хронологическая путаница не может, конечно, не снижать в значительной мере их достоверности. Приведем пример неточности мемуаров Тучковой-Огаревой.

Рассказывая об отношениях Серно-Соловьевича с Шелгуновой и о его заболевании в 1865 г., Тучкова-Огарева упоминает, что однажды вечером к Герцену вбежал Серно-Соловьевич и бросился перед ним на колени, заявив, что он бежал из сумасшедшего дома, куда был помещен своими друзьями, и прося у Герцена защиты. По словам Тучковой-Огаревой, Серно-Соловьевич при этом говорил: «А. Ив., я клеветал на вас, клеветал на вас даже в печати... а все-таки я у вас прошу помощи, вы защитите меня от моих друзей, они опять запрут меня туда, чтоб ей (Шелгуновой.— В. К.) было покойно. Вы знаете, я бежал из сумасшедшего дома, и прямо к вам, к врагу» (там же, стр. 366).

Энвзод, рассказанный Тучковой-Огаревой, несомненно, относится к 1865 г. Однако память настолько ей изменила, что она вкладывает в уста Серно-Соловьевича слова, которых он в то время никак не мог произнести: это слова о том, что Серно-Соловьевич будто бы «клеветал» на Герцена в печати. Хорошо известно, что выступления Серно-Соловьевича против издателей «Колокола» в печати относятся к 1866 и 1867 гг. Следовательно, он никак не мог говорить о них в 1865 г. Да и вообще трудно поверить, чтобы Серно-Соловьевич мог даже в состоянии невменяемости назвать эти свои выступления в печати «клеветой».

Неточности и хронологические ошибки, допускаемые Тучковой-Огаревой, не могут однако поколебать достоверность того факта, что Герцен и его семья во время болезни Серно-Соловьевича отнеслись к нему с большим вниманием и заботливостью, что и подтверждается печатаемыми ниже письмами Серно-Соловьевича к Тучковой-Огаревой.

Письма эти печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 234).

1

(Аарау. Лечебница Брестенберг. Конец июля 1865 г.)

Пришлите мне, пожалуйста, ваш адрес, чтобы я мог писать вам без передаточных станций. Я получил ваше милое письмо 1: в деньгах, кажется, не предстоит надобности; говорят, Черкесов уплатил мои цюрихские долги. Здоровье мое очень поправилось, и я теперь уверен, что, если условия мои сложатся хоть мало-мальски сносно,— через год я встану на ноги. Между прочим, я ездил в Берн к Мунку, он взялся меня лечить и сказал, что не сомневается в возможности совершенно вылечить меня.

У меня до вас новая просьба, Наталья Алексеевна, и довольно оригинальная. Напишите Черкесову за меня письмо, главные основания которого я вам продиктую. Дело, видите, в том, что опыт доказал, что мы не можем сноситься друг с другом непосредственно; все, что я ему говорю, кажется ему фантазией, бредом больного воображения, излишней нервностью и т. д.; все, что он говорит мне, кажется мне отсутствием понимания, совершенной безнервностью и т. д. Словом, возьмите на себя роль посредницы между мною и Черкесовым. Всю важность этой просьбы вам, конечно, трудно понять теперь 2. Но для того, чтобы объяснить

вам все, позвольте рассказать вам в кратких чертах историю моей болезни. Из нее вы увидите, что во всех моих выходках не было ни бестолковости, ни отсутствия логики: подкладкою, конечно, служила болезнь, но взбалмошного действия не было ни одного.

Ваш А. Серно-Соловьевич

P. S. Что вы делаете с русскими газетами и журналами? Если они остаются у вас в доме, не можете ли вы на некоторое время снабжать меня старыми номерами? Что вы также делаете с «Confédéré» - фрейбургским листком, который я видел у вас? 3

(На обороте 2-го листа:) Наталье Алексеевне Огаревой.

Это письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Серно-Соловьевичу неизвестно.

Выполнила ли Тучкова-Огарева эту просьбу, установить не удалось. 3 «Confédérê» — ежедневная газета, «орган швейцарской радикальной демократии», основанная в 1847 г. в Фрейбурге.

Аарау. Лечебница Брестенберг. 28 августа (1865 г.)

Я очень хорошо помню, Наталья Алексеевна, что обязан вашему семейству и свободою, которою теперь пользуюсь, и тем, что стал поправляться, и никогда не забывал, что дал вам слово не оставлять Брестенберга, не посоветовавшись предварительно с вами, и что я, так или

QUE FAIRE?

ROMAN

DE

N. G. TCHERNYCHESWKY

ПЕРВОЕ ИЗЛАНИЕ «ЧТО **ДЕЛАТЬ?» ЧЕРНЫШЕВСКОГО** на французском языке.

Перевод А. Н. Тверитинова Шмуцтитул Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва

CHEZ TOUS LES LIBRAIRES

иначе, нахожусь под вашим покровительством. Поэтому упрек ваш, что следовало бы хоть известить о переселении в Берн тех лиц, которые уж раз выручили меня из беды,— несправедлив ¹.

Переселение мое в Берн далеко еще дело не решенное; более того, я переселюсь туда только в том случае, если не исполнится то, чего я желаю, или если жить здесь зимою будет уже совсем невмоготу. Как видите, переселение зависит и от если и от уже. Да и во всяком случае, я никак не располагал и не располагаю тронуться отсюда куда бы то ни ранее половины или конца октября, следовательно, было много времени впереди, чтобы списаться с вами. (Последнее мое письмо к вам, — из которого вы можете убедиться, что именно теперь я считал своевременным договориться с вами, — отправлено к вам дня четыре назад, а ваше второе письмо получено мною только вчера вечером 2). Кроме того, в конце августа Александр Иванович думал прокатиться по Швейцарии и заехать в Брестенберг, наконец, даже переговоры о Берне еще не закончены, и я не знаю, какие условия делают мне. Черкесов провел у меня всего вечер³, и от него я, по обыкновению, не мог добиться ничего обстоятельного, хотя мне писали, что он привезет сюда ultimatum. Прощаясь со мной, Черкесов спросил меня, переселюсь ли я в Берн, и прибавил, что с своей стороны желал бы этого собственно потому, что Голицына — женщина умная и симпатичная, что она относится ко мне очень тепло и что таким образом я избегну одиночества, которого так боюсь, и буду иметь пристанище в семье. К этому он добавил, что Голицына и Якоби поселятся в пансионе, следовательно я буду совершенно независим, а что условия, о которых мне писано, он считает вздором. На все это я отвечал, что ничего теперь сказать не могу, а деньги прощу высылать на первый разсюда, потом - глядя по обстоятельствам.

Впрочем, переговоры о Берне должны были, по моему плану, войти в сказание о моих подвигах с мая месяца. Эту историю я все-таки намерен рассказать вам, — как это мне ни тяжело. Тяжело же мне это, собственно, потому, что рассказ мой может иметь вид жалоб или обвинительного акта против человека, которого я считаю одной из благороднейших личностей и несравненно выше себя по чистоте, благодаря которому я еще существую, который меня содержит и который один в состоянии в далеком будущем, если я когда-нибудь выздоровею совсем, сделать для меня то, чего не может сделать никто, т. е. поставить меня в те условия, без которых жизнь не имеет для меня более ни смысла, ни цели да без которых я просто жить не хочу 4: я говорю, Наталья Алексеевна, не о деньгах: независимое существование, положение какого-нибудь commissionnaire de place* или гарсона в отеле несравненно завиднее для меня самых заманчивых условий при зависимом положении. Зависеть от кого бы то ни было, даже от Черкесова, настолько тяжело человеку с такими свойствами, как я, что, не будь у меня ребенка⁵, я давно покончил бы с собою. Итак, не жаловаться на Черкесова и слабость его характера хочу я вам, а объяснить все то, что вы знаете, только в ином свете. Похождения мои вам рассказывали, но без комментария, т. е. без того, что объясняет их. Эти комментарии я считаю нужным сделать теперь, потому что теперь снова настало для меня очень серьезное время и потому что я прошу вас, Наталья Алексеевна, вмешаться в мою судьбу. Объяснением или пояснением некоторых фактов я хочу достигнуть двух целей: во-первых, доказать вам, что я никогда, ни одной минуты не был помешанным, что я никогда, ничего, даже самого отчаянного, не делал и не делаю взбалмощным образом, что всеми моими действиями, даже са-

^{*} рассыльного (франц.).

мыми тальными, руководит известного рода логика, часто болезненная. известного рода стремления; во-вторых, что иметь со мною дело совсем не так тяжело, как это представляют, и этим убедить вас принять на себя роль посредника между мною и Черкесовым.

Я напиту вам несколько писем; не отвечайте мне ничего, пока я не кончу рассказа. Но я заранее прошу вас о двух условиях: во-первых, прочесть мои письма со вниманием, во-вторых, чтобы содержание их не вышло из вашего семейства, — к которому я не причисляю Касаткина 6, последнее вы решительно должны обещать мне. Я более всего на свете боюсь сплетен, особенно выходящих через меня. Раз в жизни, нуждаясь в Утиной и считая ее порядочной барыней, я поверил ей некоторые свои семейные дела. Она дала мне честное слово, что никогда не скажет никому, даже мужу, ни одного слова. И между тем, через нее вышли такие сплетни, что я не желал бы никогда встречаться с ней, потому что принужден буду бросить в нее порядочным комом грязи. Я далеко не всякий день в состоянии писать, и потому не удивляйтесь, если между письмами будут промежутки.

Ваш А. Местр

P. S. До сих пор я не знал вашего адреса.

- 1 Якоби и Голицына, переехавшие в это время в Берн (из Цюриха), приглашали Серно-Соловьевича поселиться в этом городе. После некоторых колебаний Серно-Соловьевич отказался от этого предложения.
- ² Эти письма неизвестны. 3 В августе 1865 г. А. А. Черкесов уехал в Россию. Перед этим он посетил Брестенберг, чтобы проститься с Серно-Соловьевичем.
 4 Имеется в виду А. А. Черкесов.

5 Малолетний сын Серно-Соловьевича и Шелгуновой.

⁶ О.В.И. Касаткине—см. «Лит. наследство», т. 63, стр. 247—249. ⁷ Наталья Иеронимовна Утина, рожденная Корсини— жена Н.И. Утина.

3

<Аарау. Лечебница Брестенберг. Сентябрь 1865 г.>

Я вам не пишу, потому что мне очень плохо: на днях я, вероятно, сойду с ума или отравлюсь. Все шло хорошо, но я вздумал писать свою историю ¹. Мои несчастия воскресли передо мною: ребенок, которого я так страстно любил и о котором ежедневно плачу². И вот в один день мной овладело какое-то бешенство, я решился утопиться: стал бродить по озеру, зашел в кабак и напился пьян (я никогда не пил прежде). Так продолжалось три дня. Утопиться я не утопился, а испортил все лечение, и теперь со мной творится что-то страшное. Что мне делать? Голова теряется. Здесь есть хороший профессор: он советует идти в maison de santé, но в хороший, т. е. никак не в частный. Советует в южной Германии или в Превалезии, около Невшателя. Наконец, есть еще средство — найти хорошего человека, который служил бы мне, находился бы неотлучно при мне и за которого я мог бы держаться. Наталья Алексеевна, ответьте, что мне делать, мне ужасно плохо.

Bam A. C.

Денег Черкесов дает сколько нужно, только он просил не писать ему до времени.

² Мать ребенка, Л. П. Шелгунова, увезла его в Россию.

¹ Сохранилось несколько упоминаний о мемуарах, которые писал Соловьевич. Рукопись их до сих пор не найдена. Вероятно она не сохранилась.

4

<Аарау. Лечебница Брестенберг.</p>
Сентябрь — октябрь 1865 г.>1

Наталья Алексеевна. Благодаря умным мерам, принятым случившимся здесь немецким профессором, и хорошим дням, мне снова полегчеи я пользуюсь первыми более покойными минутами, чтобы писать вам. Собственно, по характеру моего письма его следовало бы адресовать Александру Ивановичу и Виктору Ивановичу², но, во-первых, между нами уже более или менее установилась корреспонденция, во-вторых, я действительно не сомневаюсь, что вы лично принимаете во мне участие, в-третьих, наконец, вас самих так недавно постигло несчастие³, что вы, конечно, способнее кого-либо стать в чужую шкуру и понять несчастия другого. А я, Наталья Алексеевна, страшно несчастлив и порой удивляюсь той цепкой живучести, которая мешает мне покончить с собой. Только русский организм, только моя страшная физическая сила спасает меня от сумасшествия, потому что порой я мечусь, как дикий зверь. Все, что может быть дорого человеку, — честь, семью, ребенка, которого я любил до безумия, состояние, здоровье, заманчивые планы, самолюбивые стремления, независимость — все потерял я, и теперь в каком-то полупьяном состоянии влачу существование между людьми, которых я или ненавижу глубоко или столь же глубоко презираю. Четырехмесячный опыт нынешнего лета убедил меня, что я не могу ни лечиться, ни достигнуть сколько-нибудь благоприятных результатов без двух условий: безусловного, ничем не нарушаемого покоя и человека, который находился бы безотлучно при мне, с утра до вечера, и не давал бы мне задумываться. Без этих двух условий я не могу выздороветь. Трудно было найти такую личность, потому что от нее требуется и некоторое развитие и известного рода симпатичность. Но я нашел подходящего человека в здешнем садовнике, готовом посвятить мне год. Таким образом, для поставления себя в условия, которых настоятельно требует мое совершенно расстроенное здоровье, мне необходимо только одно условие, правда, главное — это деньги. Попросите Александра Ивановича и Виктора Ивановича подарить мне год жизни, т. е. обеспечить меня в денежном отношении следующим образом: каждое первое число я буду присылать им счет, который они будут уплачивать, это будет мой debet; все же, что Черкесов будет высылать мне, я буду отсылать им — это будет мой сгеdet. В конце года, т. е. в будущем октябре, мы сосчитаемся, и я уплачу им разницу. Maximum моих расходов с человеком равен пяти тысячам франков. Только это даст мне возможность предаться полному покою, забыться и устроить мою жизнь так, чтобы передо мною была вечная смена прогулок, катаний, карт, шахматов, бильярда, ванн, газет, разговоров, а главное сна, — словом: покой, покой, покой. Во мне еще остается жизненная сила, энергия проснется, и я снова сделаюсь человеком. Что бы не дал я, не готов был бы отдать за это условие, за возможность встать на свои ноги. В какие сроки и когда будет высылать деньги Черкесов это совершенно неизвестно, между тем денежный вопрос вечно грызет меня. Люди же, у которых я живу, принадлежат к той гнусной категории буржуазии, для которой деньги — всё, которая станет вас третировать, как скотину, в тот день, когда вы ей не заплатите в срок денег. Я старался петь на все лады, но нет — это свыше меня: я мог бы сделаться всем, чем угодно, — вором, мошенником, убийцею, но никогда алтынником, пиявкою, высасывающею кровь, эксплуататором, бездушною тварью. будь у меня физических болей и некоторой раздражительности, я поселился бы у крестьянина, но, к несчастью, мне нужен более всего покой и покой. Четыре года добиваюсь пожить покойно хоть несколько месяцев, и никогда, ни разу не удавалось мне это. Спросите у людей, знавших меня в Петербурге, как провел я год, с освобождения крестьян по выезд за границу: по ночам набирал и печатал прокламации, днем разносил их и работал над Шлоссером 5. В формулярный список мой можно записать, что все то время, когда в России господствовал террор, когда на каждом перекрестке Петербурга стоял часовой, никто не решался разносить прокламации, — один я взялся за это. За границею я сначала зависел от Рихтера 6, заведовавшего нашими делами, и потому мне по целым дням случалось не есть, потом..., но о том, что было потом, лучше и не говорить. Еще в мае нынешнего года я просил, молил Черкесова достать мне 1500 франков и оставить меня в покое лечиться. Но меня потащили в Париж, толкали по отелям, по докторишкам и, наконец, ткнули в Контрексевиль, где я чуть не помешался от железных вод, словом, денег потрачено куча, а я слабее и хуже, чем когда-нибудь. На мою просьбу я предвижу следующее возражение: что же, если с Черкесовым случится что-нибудь? Случай этот был предвиден, и между нами условлено, что в таком случае Черкесов напишет братьям и сестрам, что задолжал Эрисману 1000 рублей серебром, и деньги вышлются сюда разом. Неужели Александр Иванович и Виктор Иванович откажут мне? Что же мне тогда делать? Жить с этими людьми я не могу, я могу жить у них, создав себе особый мир, свою обстановку. Наталья Алексеевна, помогите мне устроиться покойно, отдохнуть головою, забыться, забыть всё и всех, заснуть на год. Я устал, устал, устал. Пожалуйста, ответьте мне скорее на это писъмо.

Ваш А. Местр

Р. S. Неужели Касаткин обиделся на меня, что я не отвечал ему? А я очень ждал его и раз писал ему об этом. Но куда мне было отвечать на его последнее письмо? Оно помечено 26 августа, а я получил его 28, т. е. в день открытия конгресса, т. е. когда Касаткин был уже или полжен был быть в Берне 7.

1 Приблизительная дата устанавливается упоминанием о «будущем октябре» ровно через год, — когда Серно-Соловьевич намерен был подвести итоги своему долгу Герцену и Касаткину.

² Александр Иванович — Герцен, Виктор Иванович — Касаткин.

В начале декабря 1864 г. Огарева потеряла двух малолетних детей, умерших от

4 Трудно определить, о каких прокламациях идет речь. Достоверно известно, что Серно-Соловьевич принимал деятельное участие в распространении прокламации Шелгунова «К молодому поколению», но эта прокламация печаталась в лондонской типографии Герцена и была в отпечатанном виде доставлена в Петербург М. И. Михайловым. В Петербурге печатались три прокламации «Великорусс», но причастность к печатанию их Серно-Соловьевича представляется мало вероятной. Более вероятна причастность его к печатанию вышедших в 1862 г. прокламаций: «Профессор Павлов сослан в Ветлугу» (март), «Офицеры!» (март — апрель) и «Земская дума» (апрель). Наиболее вероятной представляется причастность Серно-Соловьевича к напечатанию последней из названных прокламаций: имеются указания на то, что она вышла из кругов, формировавших тайное общество, принявшее позднее название «Земля и

5 Имеется в виду русский перевод «Всемирной истории» Шлоссера, издававшийся Н. А. Серно-Соловьевичем под редакцией Чернышевского.

⁶ Рихтер — управляющий магазином Серно-Соловьевичей в Петербурге (см. о нем в «Звеньях», V, стр. 409—414).

7 С 28 августа по 2 сентября (н. с.) 1865 г. в Берне происходил четвертый конгресс Международной ассоциации для усовершенствования социальных наук. Очевидно, Касаткин собирался присутствовать на нем.

IV. ПИСЬМО П.И.ЯКОБИ к ГЕРЦЕНУ

Павел Иванович *Якоби* (1842 или 1843—1913) — друг Серно-Соловьевича, участник революционно-демократического движения шестидесятых годов, позднее — известный психиатр и антрополог.

Якоби познакомился с Герценом, вероятно, в конце 1863 г., когда он по поручению польского революционного правительства посетил Лондон (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 260).

Позднее Герцену пришлось встретиться с Якоби в Женеве во время эмигрантского съезда — в конце декабря 1864 г. — начале января 1865 г. На этом съезде Якоби вместе с А. А. Серно-Соловьевичем и Л. П. Шелгуновой был одним из самых решительных и непримиримых противников Герцена (XVIII, 8. См. также выше, стр. 708). Отношения между Герценом и Якоби и впоследствии оставались весьма холодными. Этим объясняется строго официальный тон публикуемого ниже письма Якоби, в котором он приглашал издателя «Колокола» на совещание эмигрантов по поводу Серно-Соловьевича, находившегося в то время в лечебнице. Якоби и его жена — В. А. Голицына — настаивали на переселении Серно-Соловьевича в Берн. См. об этом выше письмо самого Серно-Соловьевича к Н. А. Тучковой-Огаревой.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 125).

⟨Женева. 24 августа 1865 г.⟩

Милостивый государь Александр Иванович,

Честь имею просить вас придти завтра 25 августа в четыре часа пополудни в Café du Nord для обсуждения некоторых соображений, касающихся Серно-Соловьевича.

С истинным почтением остаюсь готовый к услугам

П. Якобий

24 августа 1865 года Servette comp. Oltramare. Женева